

Николай Побережник

Я ВАС НЕ ЗВАЛ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Николай Побережник

Я вас не звал!

«Автор»

2014

Побережник Н.

Я вас не звал! / Н. Побережник — «Автор», 2014

Под гнусным предлогом и с помощью политического шантажа начинается «миротворческая миссия» на территории России, которая по сути запланирована как ограбление и оккупация. Много лет «кукловоды» вынашивали эти планы, и время пришло. Но не все продались, не все забыли, что такое Родина, и планы врага были сорваны, однако мир за это дорого заплатил, пережив ядерный конфликт. И теперь людям, выжившим на восточных рубежах некогда великой страны, предстоят суровые испытания. В боях, в труде, но мы справимся, мы сильный, никем и никогда не покорённый народ – русский народ!

© Побережник Н., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Вместо пролога	5
Глава первая	7
Восьмое октября 201* года	7
Девятое октября	8
Одиннадцатое октября	12
Тот же день	17
Двенадцатое октября	21
Тринадцатое октября	30
Глава вторая	31
Двадцатое июня	31
Двадцать седьмое сентября	33
Четвертое октября	34
Седьмое октября	35
Восьмое октября	36
Тринадцатое октября	37
Четырнадцатое октября	39
Пятнадцатое октября	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Николай Побережник

Я вас не звал!

Новый мировой порядок будет строиться против России, на руинах России и за счёт России.
Збигнев Бжезинский

Вместо пролога

Лето этого года было жарким. Жарким во всех смыслах... Засушливые месяцы вызвали целый ряд проблем в искалеченной эффективными менеджерами сельскохозяйственной отрасли страны. А если учесть, что некогда государственные учреждения резервных запасов всякого «съестного и стратегического» превратились во всевозможные ЗАО, ООО и прочее, и собственно эти запасы активно продавали за валюту для накопления ее в банках какого-нибудь насквозь оффшорного Кипра, то у понимающих людей начиналась тихая паника. Много чего начиналась этим летом, в основном скрытого и подлого, но пока этого не замечали, за исключением единиц, которых за прозорливость, а порой даже за инакомыслие изолировали, причём разными способами.

Во внутренней и внешней политике страны наблюдалась стабильность... Точно как на кладбище, вот уж где поистине самое спокойное место и никакой суеты и потрясений. Государственные СМИ всячески эту стабильность укрепляли, показывая дебильные ток-шоу, которые почему-то пользовались популярностью если не у большинства, то у половины народонаселения нашей необъятной, что опять же у понимающих людей вызвало тревогу и опасения... разного рода опасения, в основном, конечно, за количество телезомби в обществе.

Общество... В обществе уже за несколько лет стабильности сварился такой бульон из так называемых социальных слоёв, что обстановка сложилась, прямо скажем, взрывоопасная. Государственные мужи всячески пытались убедить это самое общество в том, что у нас на самом деле всё хорошо, и ведь отчасти даже были правы. Ведь в больших городах от миллиона и более населением, действительно, вроде всё было просто замечательно... каждое утро многотысячные потоки людей устремлялись занять свои рабочие места, сигнали друг другу в многокилометровых пробках, толпясь в переполненном метро, при этом не вылезая из планшетов, айфонов и прочих гаджетов.

Это армия, нет, это легионы! Легионы посредников, менеджеров по продажам, по рекламе, по мерчендайзингу (есть и такие, ага), пиарщики, креативщики – и куча других, не менее матерных названий профессий... они продают и покупают, рекламируют то, что продают и покупают, свято веря, что вот оно счастье! Ещё немного попиарить, покреативить – и можно ехать на недельку попить пива в Чехию или позагорать в Турцию. И так из года в год. Перекупщики, помощники руководителей, руководители помощников, руководители руководителей и помощники помощников, они бегут по улицам, разговаривая по телефону, подписывая документы и читая СМС одновременно. У них всё хорошо, как им кажется... Ну, это если не заглядывать на вечерние кухни и не подслушивать, о чем говорят дорогие россияне, запивая стабильность водкой и закусывая оливками. Вот же, раньше солёным огурцом, кстати, закусывали, а теперь оливками, и внешне очень даже хорошо, и почти по-капиталистически эстетично. Огурчик ведь надо посадить, вырастить, собрать, в баночку закатать... Вот ещё! Пошёл в супермаркет (не в гастроном, не на рынок, а именно в правильный капиталистически европейский супермаркет), набросал в корзинку девяносто процентов импортных продуктов, украсив красивую и разноцветную кучку упаковок баночкой оливок, затем чиркнул на кассе

кредитной картой – и домой, жизнь удалась. А потом дома, на кухне, спрашивают сами у себя: как ты дошёл до жизни такой, что выть хочется? И на утро, проспавшись, снова на работу, зарабатывать деньги для погашения кредита, для выплаты налогов государству и пенсионному фонду... дожить только ещё надо до пенсии этой, в условиях социалки стран третьего мира. А в целом да, всё хорошо. Лишь на периферии у людей ещё стояли на столах домашние огурчики и прочие выращенные и приготовленные своим трудом домашние вкусности.

По большому счету, нет ничего плохого ни в супермаркетах, ни в оливках, ни в менеджменте... только вот за оголтелым капитализмом, как и положено, начинает просматриваться зло... то зло, которое скрывается за европейскими ценностями, толерантностью, демократией и, прости господи, свободами нравов. И мизерный процент поистине богатейших людей во всех «свободных и развитых» странах доят народ этих стран, как коров. Для них, для так называемой элиты их страны – как курица, несущая золотые яйца, а если страна ещё и имеет «ядерную дубинку», то из соседнего курятника никто не позарится на хозяйское добро, только вот дубинка давно стоит в углу. Пылится, рассохлась, и дай бог не сломается при первой же попытке замахнуться. Ее, правда, периодически демонстрируют всем соседним курятникам, осторожно так, дабы не сломать, иногда подкрашивают, надеясь, что очередной слой краски сделает ее крепче. И вот он момент истины – некоторым в голову приходит мысль о том, что, в принципе, можно и продать эту «курицу», пока не отобрали вместе с «курятником», а насесты в других, соседних курятниках уже оплачены, семейство уже там... а тут... тут будь что будет. Так как очень тяжело иметь политическую волю и решимость, когда тебе причинное место крепко зажало рамой «окна в Европу», и вроде хочется что-то возразить политическому оппоненту, но вспоминаешь, что счёт в Швейцарии или Германии могут арестовать, недвижимость с видом на Темзу или Эйфелеву башню тоже могут попросить обосновать доходами и внезапно отобрать... и, о ужас! отпрыски – их могут отчислить из всяких Гарвардов и закрытых школ под надуманным предлогом или элементарно посадить пожизненно, подбросив наркотики в элитном ночном клубе... а зачастую и подбрасывать нет необходимости. И всё, к чему они, элитная прослойка общества, стремились, может быть потеряно в один миг.

Их называют пятой колонной, или более просто – предатели. Но предателям всё равно, они на вершине мира, им плевать, как их называют те, кто внизу, на дне... так как вроде их жизнь налажена, и потомки обеспечены, а то, что могут напоить чайком с редкоземельными металлами, это уже издержки положения в высоком обществе. Так что приходится делать то, что говорят большие и важные дяденьки (иногда тётеньки), от которых есть прямая зависимость, несмотря на блеск огромных хромированных дисков «Майбаха», ослепляющую белизну и впечатляющие размеры яхты или фамилию в списке Forbs, пусть даже в самом его конце...

Глава первая

Восьмое октября 201* года

Отпуск! Ура, отпуск! Радовался я, когда шеф подписал моё заявление догулять оставшиеся восемнадцать дней отпуска, но с условием доступности по телефону. Да хоть такой отпуск, и так радости полные штаны! Всё, теперь можно позвонить Сашке, моему другу по рыбалке, охоте и прочим мужским хобби, и договориться о выезде на рыбалку. Но радость длилась не долго, на следующий же день меня опять вызвали на работу, так и «зарядился» снова на две недели.

Осталось три дня отпуска. И тут шеф, и главный инженер улетели в Москву подписывать очередной контракт. Приятная неожиданность. Отлично! Завтра едем! Едем наконец-то на рыбалку. Тайга, горная речка, уха из форели и пара суток уединения от этого окончательно сошедшего с ума мира.

Набрал Сашку:

– Привет, ну что, погнали завтра?

– Ты смотри, нарисовался пропащий, не сотрёшь.

– Шеф улетел, у меня три дня осталось, только не говори, что теперь тебя на работу вызвали!

– Не, я как нормальный отдыхаю, только вот ты всё обгадил своей работой, на утку так и не сходили.

– Ладно, завтра выезжаем, ты готов?

– Да я уже две недели как готов и об рюкзак в тамбуре спотыкаюсь.

– Завтра в 10:00 заеду.

– Договорились, пока.

Ну что, основное сделал, до конца рабочего дня двадцать минут. Зайду в сеть, прочитаю новости, дабы в очередной раз убедиться в поставленном мною диагнозе для этого мира. Ну что у нас тут? Да, всё по-прежнему, заголовки всё более удручающие: «Пассажирский самолет разбился», – третий за месяц; «Кто войдет в Кремль», – очередной предвыборный бред; «Три сотрудника ФСБ убиты в Махачкале», – Кавказ воюет не прекращая; «Греция, Испания, Дания и Словакия объявили дефолт», – новый виток кризиса постепенно убивает мировую экономику; «Президент России присутствовал на совместных учениях Россия – НАТО», – совсем сдурели; «Серия терактов на Ближнем Востоке», – ну, там с марта 2011 всё бурлит; «Госдума подписала закон об увеличении пенсионного возраста, а также увеличении рабочей недели до сорока семи часов», – твари; «Президент России вернулся из рабочей поездки в Китай», – да уж, лебезят они что-то последние два года перед китайцами; «Правительство России пошло на уступки ради вступления в ВТО», – интересно, что за уступки; «Гособоронзаказ текущего года провалился», – и почему я не удивляюсь; «В порт Владивостока с ответным дружественным визитом вошли четыре эсминца флота США», – эти что-то зачистили... Однако, и всё в таком духе – нафиг! Хотя бы на пару дней в лес.

По дороге с работы заехал в супермаркет скомплектовать сухпай на двое суток, потом на заправку, налить полный бак и две канистры.

Девятое октября

Рыбалка

Выезд на рыбалку с самого начала не задался. Пришлось несколько раз возвращаться то ко мне домой, то к Сашке. Правильно говорят – дурная голова ногам покоя не дает, хотя в нашем случае не ногам, а моему Басику. Басик – мой полноприводный микроавтобус Мицубиси Делика, японский автохлам, как его называют завистники с автоВАЗа и прочие далекие от приморья люди. Меня же он устраивает на все сто процентов и по комфорту, и по проходимости.

Мы долго катались вдоль речек, пока не подобрали для стоянки и рыбалки удобный плес. Наконец нашли, глубина речушки чуть выше колена, приятный шум воды на перекатах, и вода... иссиня-чистая, даже сразу зачерпнул ладонью и попил, не удержался. Натянули тент, разложили пенки и спальники, радуясь про себя тому, что нам обоим удалось-таки вырваться на рыбалку хотя бы под конец отпусков. Посмотрел на телефон – сети нет, а вот и замечательно! Отключил и убрал подальше. Подготовили снасти, насобирали червей, ворочая камни, и приступили к добыче форели на ушницу. В наших местах, конечно, форель размерами не впечатляет – вся, как по стандарту, чуть длиннее ладони. Но зато наловили на уху, не успев заскучать от безрыбья.

Пока варилась уха, накатали по пять капель, как говорится – для аппетита. Эх!!! Как же все-таки здесь хорошо! Приморье в это время года очень красиво, сопки переливаются всеми теплыми оттенками осени. Еще совсем не холодно – пока ехали до места, по радио сообщили, что сегодня плюс пятнадцать и возможны осадки. Последние нас не пугали, а теплая погода радовала тем, что можно будет спокойно ночевать на улице и дышать чистейшим и свежайшим воздухом, а не «спернутым» в машине. Пока с Саньком размышляли о природе, уха сварилась. Дождь уже накрапывал, и мы перетащили наш ужин под тент, расположились на пенках и приступили к скромной трапезе.

– Новости в сети всё круче и тревожнее, – наполняя походные рюмочки из нержавейки, сказал вдруг Санек.

– А ты центральные каналы по телику смотри, там всё хорошо. И вообще, мы отдыхать приехали, сбежав от этой сумасшедшей цивилизации, хорош уже за политику, а?

– Нет, – помотал головой Сашка и приставил ребро ладони к шее, – вот уже где вся эта стабильность.

– Ты что-то можешь изменить?

– Не знаю, – пожал он плечами и поднял рюмку, – но хотелось бы.

– Ну, за перемены, – ответил я, подражая Булдакову.

– Как думаешь, – спросил Санек, задержав ложку на полдороге, – эти носители демократии полезут?

– Не знаю, а оно им надо? Наши царьки ведь и так всё задарма раздают... Не обращал внимания, что во всех наших крупных якобы госкомпаниях топ-менеджеры или члены правлений – граждане США?

– Не, Леха, ну ты тупой или где? – вспылil, как всегда, Сашка, когда разговоры заходили о политике. – Оглянись, они же сдают страну. Сейчас Россию можно брать голыми руками, только не говори, что мы всех шапками закидаем, закидывали уже, да так, что двадцать восемь миллионов жизней загублено.

– Да ладно, у нас же типа ядерный щит, и всё такое, – парировал я, понимая, что сам себя обманываю. Ведь нет уже той непобедимой и могучей армии, распилили ее на табуретки грамотные менеджеры, да и щит уже прогнил и заржавел конкретно.

А нынешнее руководство минобороны делало всё, чтобы боеготовность оставалась только на бумаге и в передачах по центральным каналам.

– Какой там щит! Так, крышка от кастрюльки, всё уже почти загубили новаторы-модернизаторы долбанные, – с сарказмом сказал Сашка. – Я – ладно, не служил, но мой отец всю жизнь отдал флоту и видел, как всё разваливают на корню, режут на металл и продают корабли. Фу, противно аж. В последнее время даже присказка такая появилась, которая очень хорошо характеризует то, что сейчас у нас в армии: «Когда я был маленький, спал спокойно и верил, что армия нас защищает, потом сам два года защищал и спал плохо, теперь вообще не сплю, потому что знаю, как защищают». Да, я не служил, но даже за те три года, как ты меня приобщил к страйкболу, больше соображаю, в отличие от срочника, и как засаду устроить, и как по зачистке зданий в паре работать... да что я тебе рассказываю, сам понимаешь.

– Сань, ну ты не сравнивай игру в войнушку и реальные боевые действия, Рембо ты комнатный, – возразил я и наполнил рюмки.

– Ну, ты-то у нас «морская пехота – затычка у флота», – с наигранной обидой парировал Сашка и, бухтя, полез в рюкзак, достал оттуда заварки и засыпал в закипевший котелок с речной водой, также добавив туда ягод лимонника – волшебный напиток!

Тему все-таки сменили и, поболтав еще минут сорок об охоте, рыбалке, женах, детях и прочем, решили уже лечь спать. Выровняв грунт под пенкой, я заполз в спальник и, натянув вязаную шапку почти на глаза, уснул.

Утром следующего дня улов нас снова порадовал, и на обед приготовили уже жареную рыбу. Потом шарахались весь вечер по округе, нарезали лозы лимонника домой про запас, а то когда теперь выберемся, с этой работой... насобирали грибов на ужин, за которым опять немного усугубили, поиграли в карты, в банального «дурачка» пока не стемнело и строили планы на зиму. Потом, попив чайку, расползлись по спальникам да перекинулись парой бородатых анекдотов... Я уснул первым.

– Леха... Леха, итить колотить!!! Просыпайся! – тревожным голосом тихо говорил Санек, дергая край моего спальника.

– Ну чего? – плохо соображая, недовольно поинтересовался я.

– Слышишь? – спросил шепотом Санек, тыкая пальцем куда-то вверх.

– И что я должен слышать? Тут река шумит на перекатах...

– Ты чего, глухой? Слышишь, как пропеллер, но на самолет и вертолет не похоже.

Я прислушался – действительно, как будто муха очень большая жужжала.

– Сань, вот чего ты херней страдаешь, тут такой рельеф, что не поймешь, что и откуда послышится. Может, вертолет где-то далеко пролетает.

Я окончательно проснулся, посидели еще пару минут прислушиваясь, но кроме шума реки, больше ничего.

– Раздувай угли, веток подбрось да ставь котелок, раз уж проснулись, – сказал я, высвечивая циферблат на часах фонарем – 4:50 утра. Решили по чайку, чего ж теперь.

Осторожно прихлебывая горячий чай, сидели молча, я даже глаза прикрыл, наслаждаясь запахами и звуками тайги. Да еще шум реки и треск хвороста в костре. А потом всё как-то стихло, затаившись перед рассветом. «Радио, что ли, включить?» – подумал я и начал безуспешно крутить колесико маленького китайского радиоприемника. В эфире тишина.

– Тихо! Вот, опять! Слышишь? – спросил Сашка.

Теперь уже я более явно и отчетливо услышал это жужжание.

– Странный звук, – сказал я.

– Угу, – задумчиво произнес Сашка.

Звук явно приближался, и мы вглядывались в небо, где сквозь слабую облачность, кое-где проглядывали звезды и молодой месяц. Ища что-нибудь в небе, я потянулся рукой на ощупь за котелком – подлить кипятка в чай.

– Мать! – выругался я, когда задетый котелок бухнулся в костер и залил огонь нашим чаем. И почти в этот же момент на фоне неба, параллельно хребту сопки, у подножия которой мы расположились, появилось нечто летящее, жужжащее, слишком маленькое для самолета и слишком большое для авиамодели, причем очень близко.

– Ты думаешь о том же, о чем и я? – спросил я Сашку.

– Стопудово БПЛА!!! – почти заорал Санек.

– Да что ж ты орешь-то!!!

– Стопудово не наш, стопудово не наш... – приговаривал Санек, копошась в рюкзаке и извлекая оттуда фотоаппарат-мыльницу.

– Саня, – прибавив настойчивости в голосе, сказал я, – если это стопудово не наш, то ты сейчас, вполне возможно, сделаешь последний в своей жизни снимок.

Сашка завис на секунду, и положил фотоаппарат на место. Беспилотник, описав восьмёрку, удалился. А мы что-то даже задумались оба. У меня появилась какая-то тревога внутри внезапно, и как будто кто в желудке поварешкой крутит, как в кастрюле.

– Подождем, наверное, рассвета, пакуемся и, не зажигая фар, едем тихонько до трассы, а потом уже до нашего городка.

– Угу, – буркнул Санек.

Собрались быстро, покидав все причиндалы в салон. Дизель уже приятно тарахтел, прогревшись. Потихоньку поехали, сначала по высохшей речке, затем по очень разбитой лесной колее. Ехали часа полтора до трассы молча – что у меня, что у Сашки было ощущение начала чего-то очень нехорошего. Метров за триста перед выездом на федеральную трассу Владивосток – Находка остановился, заглушил движок. Вышли и прислушались.

– Вроде тихо, – сказал Санек.

– Вроде, – подтвердил я. – Как-то слишком тихо, стоим уже минут десять, а по федералке никакого движения, даже ни одной фуры или грузовичка «Владхлеб» не проехало, хотя для них самое время.

– Да, странно, – согласился Сашка.

Я достал телефон и включил. Нет сети, хотя находимся в прямой видимости мачты одного из местных операторов сотовой связи, даже экстренные вызовы не работают.

– Паршиво, однако.

– Постоим еще, или едем? – спросил Сашка.

– Постоим, я перекурю пока.

– Бросал бы, – упрекнул меня Сашка. – Сколько уже собираешься бросить?

– Не бухти. Сейчас покурю, потом пройдем пешком до трассы, там постоим еще.

Выезд из леса на федералку был на вершине небольшой сопки, и хорошо просматривалась дорога в одну и в другую сторону. Мы присели в кювете на поваленное дерево.

Посмотрел на часы – 7:00. По трассе так никто и не проехал.

– Нет, мля! У всех что, тоже отпуск? – начал психовать Санек.

– Это маловероятно, – нервно ухмыльнулся я. – Короче, сидим еще полчаса – и домой едем не по трассе, а вдоль ЛЭП по просеке, благо транспорт позволяет.

Где-то далеко, в стороне Владивостока на горизонте несколько раз сверкнуло, секунд через тридцать ухнуло, как гром, потом еще серия глухих раскатов. Потом опять всё стихло. Тишина вообще какая-то жуткая.

– Думаю, нехер тут высиживать, домой к семьям! – не выдержал уже я.

Побежали к Басику, уселись, я резко вывернул баранку, переключился на пониженную, и мы покатались по просеке под ЛЭП в сторону города.

– Километров пятнадцать так тащиться примерно до города, – констатировал Санек.

– Ага, только сразу в город не едем, остановимся недалеко от КПП ГАИ, пройдем по лесу до КПП, глянем, что там.

– А чего там смотреть, ментов не видел никогда?

– Видел, только вот именно в данный момент надо на них посмотреть обязательно, а тем более послушать.

Санек молча кивнул и принялся тыкать кнопку автонастройки на приемнике, который упорно отказывался хоть что-то нам прояснить.

Одиннадцатое октября Домой

Бросили машину в молодых зарослях лещины, у опоры ЛЭП, и потихоньку, стараясь не шуметь, стали пробираться к КПП. Первое, что бросилось в глаза – экипировка гаишников, прям как в 90-е, во время операции «Антитеррор» из-за войны на Кавказе, ну и, собственно, их численность. Насчитал двенадцать человек – круто для простого КПП, пусть даже и закрытого города, то есть ЗАТО, и уж тем более учитывая недавно прошедшее сокращение в рамках реформы МФД. Рация по громкой постоянно что-то паникует, сеансы связи короткие, но частые.

– Соболевка базе.

– На связи.

– К вам на усиление идет два взвода морпехов и две единицы техники, по линии МЧС только что сообщили, что Находка сдана под временное управление Международных миротворческих сил (ММС), скоро ждите гостей. Как поняли?

– Принял.

Сутулый, то ли от сколиоза, то ли от тяжести броника и прочей снаряды, капитан зацепил рацию клипсой за броник и нервно закурил, вчитываясь в записи в блокноте. К нему подошел уже практически пенсионного возраста прапор и спросил:

– Ну что, похоже, наши правители опять всех фигурно поимели?

– Похоже.

– И как думаешь, что дальше?

– А бардак дальше, сейчас более-менее соображающие свалят в тайгу – и здравствуй, партизанщина.

– Да не факт, может те, кто так сильно жаждал истинной демократии, наоборот – обрадуются? – как-то криво усмехнулся прапор. – Да и не в курсе еще никто, вчера объявили вроде всем о некой ЧС, так что купятся и будут дома сидеть, как миленькие.

– Ты-то что радуешься? Думаешь, очень сильно будешь нужен этим из ММС? Твою ж дивизию, как противно! Как специально в «полицай» реформировали перед всем этим дерьмом, белую повязку на рукав и МР-40 в руки – и вообще красавцы будем!

– Да ладно, не гунди. У меня в 9:00 смена, потом с майором Андреевым с разрешительного, по списку в адреса охотников по моему участку прокатимся, надо же исполнять вводную – разоружать этих потенциальных партизан, – всё так же криво ухмыляясь сказал прапор, – а то неравен час кто-нибудь закатает тебе в каску картечью.

Переходя на кашель астматика, прапор хрипло захихикал, а капитан даже не ответил ничего, бросил окуроч, растер берцем и двинулся к машине, где уселся, оставив открытой дверь, откинулся на сиденье и тут же закурил опять.

– И что это за приступ сюрреализма мы только что наблюдали? – потирая трёхдневную щетину, спросил меня Санек.

– Ну, из всего, что мы слышали, можно сделать вывод, что ни хрена хорошего не произошло.

– Ну, это понятно, делать-то что? – начал уже нервничать Санек.

– Во-первых, не ссать и не срать жидко, – как-то неожиданно для самого себя ответил я, – сейчас отползаем к Басику и так же по ЛЭП катимся к городу, в районе АЗС ЛЭП пересекает федералку, и мы так же, потихоньку через федералку, и вдоль моря к гаражам. Там машину бросим – и по домам. Хватаем стволы, боезапас, пожрать на пару дней. Предупреди жену, что ты типа еще на охоте, и пусть пасутся полицаи. Постарайся ей всё объяснить, только

до истерики не доведи. Пускай собирает потихоньку всё необходимое, если есть наличка – едет в супермаркет и покупает сублиматы, крупы, тушняк... да что я тебе рассказываю, сам всё знаешь... Да, Сань, рации поставь на зарядку, пока электричество вроде есть. В общем, дуй домой, выгребай сейф и подтягивайся к машине обратно. Думаю, у нас времени не больше часа.

Молча доехали лесом до гаражей, остановился у ручья за деревьями.

– Всё, разбежались, – сказал я, закрывая машину ключом, дабы не пиликать сигналкой на всю округу.

Подходя к дому со стороны гаражей, встретил соседа Бориса, военного пенсионера лет под сорок, он выгуливал свою собаку – здоровенного ротвейлера по кличке Шах. Я подошел к ним, поздоровался, Шах, доброжелательно виляя хвостом, ткнулся мне в ногу носом, впитывая наверняка приятные для него лесные запахи. Времени уже 8:30, и город наш, по идее, давно должен был проснуться и кипеть жизнью. Однако и машин на улице маловато, и людей тоже.

– А что такое затишье кругом? – спросил я у Бориса.

– А ты откуда вылез-то, такой дикий?

– С рыбалки...

– Понятно. Да вот, вчера с обеда отрубилась вся связь, радио и телек не работает. Потом по городу ездили менты и в матюгальник всем сообщали, что, мол, соблюдайте спокойствие, произошла какая-то чрезвычайная ситуация, с чем и где не сказали, но всё уже под контролем у МЧС. Всем настойчиво рекомендовано из города не выезжать, и в течение пары якобы суток ситуация будет окончательно взята под контроль.

– А что за ЧС-то?

– Хрен его знает, под утро мне вроде показалось, что бахнуло что-то.

– Нет, тебе не показалось. Знаешь что, Борис, – я смотрел ему в глаза и медленно говорил: – Брехня всё это.

– А то я прям домохозяйка тупоголовая, – отшутился Борис. – Понимаю, намечается нечто нехорошее, всерьез и, возможно, надолго.

– Это хорошо, что ты не тупоголовая, а умная домохозяйка, – так же шуткой ответил я. – Менты собираются изымать всё оружие у охотников, как думаешь – зачем?

– Так ежу понятно, чтоб нагибать было не опасно.

– И в Находке какие-то международные миротворцы. Вот и соображай, времени мало.

Я посмотрел на часы, поторопиться бы... Заскочил в подъезд и пешком побежал на седьмой этаж, не хватало еще в лифте застрять, когда свет не ровен час отключат. Ключом открыл квартиру... тишина. «Здрасьте, приехали,» – подумал я. Дома никого: ни детей (двойняшек Димы и Нины одиннадцати лет), ни жены моей Светланы. Не снимая берцев, прошел по комнатам – никого. Зашел на кухню, включил свет... Свет был, и была записка на столе, написанная красивым и аккуратным почерком жены.

«Алеша, детей отвела к соседке почитать, меня срочно вызывают на работу, говорят, какое-то ЧП в бригаде произошло и куча экстренных операций. Я не смогла тебе ни СМС отправить, ни дозвониться, связь не работает. Если голодный, котлеты в холодильнике. Обязательно, как вернешься домой, сообщи мне.

Люблю, целую, твоя Светочка».

Налил чайник, поставил греться, снял трубку локального телефона – тишина. Вышел на балкон покурить и собраться с мыслями. В дали над морем заметил пару вертолетов. «Странные какие-то», – подумал я. Ну конечно!!! Кто бы сомневался: над морем пролетали два «чинука» – транспортных вертолета НАТО. Так вот о каких морпехах говорили в рации на КПП! Если «носители демократии» появились уже так явно, то времени вообще не осталось.

Так, понятно. Ну, не будем тянуть кота за яйца...

Забежав в свою комнату – да, у меня целая своя комната в четырехкомнатной квартире, тут инструменты, комп, шкаф с туристической и страйкбольной снарядой, есть такое хобби у меня – выволок восьмидесятилитровый рейдовый рюкзак и начал заполнять его.

Пара камуфляжей («сумрак» и «горка»), наколенники, разрузка, прицел ПСО, фонари, аккумуляторы, еще одна пенка и спальник, «сигнал охотника» с ракетами, пара военных сигнальных ракет, пиротехника – мощные петарды и салютные залпы (фиг знает, может и пригодятся). В общем, собрал всё то, что брал с собой на «поиграть в войнушку», теперь, чувствую, игры кончились, и надолго. Достал из нагрудного кармана походную фляжку на треть литра и пополнил запас коньяка. Начинало уже нервно потряхивать, и то, что не поместилось во фляжку, хватанул прям из горла. Нормально... пятьдесят грамм только на пользу. Теперь самое главное – ружье. Уже почти бегом в кладовку, там сейф – МР-153, двенадцатый калибр, отличное ружье и на охоту, и на всё остальное. Так, надо разобрать, чтоб с этим длинным карамультуком не светиться. Быстро располовинил, в ветошь и замотал скотчем. Отлично! Вроде в рюкзак помещается без палева. Теперь патроны, что у нас тут? Ага, полсотни «утиной» тройки, сотня картечи-восьмерки и пулевых около сотни – всё отправил в рюкзак. Дальше – сумка с причиндалами для снаряжения патронов, капсюлями, порохом и прочим. Следом – набор для чистки, масло, еще ветошь. Вроде всё здесь. Стоп! Вот он – «тревожный чемоданчик», на полке. Правда, на самом деле это обычный старый военный рундук, но его содержимое собирал лично еще год назад, после беседы с одним умным знакомым из МЧС, который мне как-то невзначай намекнул, что, мол, надо бы иметь такое в доме. Я послушался – ну и молодец.

Выволок всё в коридор... М-да, ноша явно больше моего веса, а веса во мне всего семьдесят шесть килограмм, так и геморрой недолго заработать, ну да ладно, дотащу до машины, не обделаюсь. По дороге выдернул рацию из стакана-зарядника, поставил вторую. Включил, вызвал Сашку.

- Кац, ответь Доку, – я решил использовать для связи наши страйкбольные позывные.
- На связи, – запыхавшимся голосом ответил Сашка.
- Что у тебя?
- Подбегаю к твоему дому, смываюсь от пэпээсников.
- Чего?!
- Того!
- Ясно, на болото, за гаражи!

Подбежал детскую – там окно во двор – и увидел, как Санек мустангом пронесся между гаражами и сиганул в чапыжник у болота. Мой дом стоит прямо на окраине города, и часть двора граничит с вечно стоящей зелёной и вонючей лужей метров пятидесяти в диаметре, с камышом, ряской и прочими болотными атрибутами, далее располагает городок кооперативных гаражей, который уже упирается практически в тайгу. Как только Санек затаился, во двор с включенным проблесковым маячком въехал уазик – «коробок».

- Замри и не бзди, – сказал я в рацию.
- Да уж пробзделся, пока бежал... – тяжело дыша, ответил Сашка.

Два пэпээсника вышли из машины, закурили, один что-то говорил в рацию. Ну, пиндыр, сейчас подтянут еще экипажи и начнут облаву. Стоп! Какую облаву? На весь городок ментов-то раз-два и нету. Хм... если на одном КПП двенадцать человек, а есть и второе, и третье (из города официально три выезда), то, наверное, хрен они кого подтянут сюда, реформа МВД в этом случае меня просто порадовала. Прапор вон после 9:00 собирался «в адреса по охотникам». Кстати, 9:20 на часах. Поторопиться бы. Вдруг я услышал не так далеко хлопки калаша вперемешку с гулкими выстрелами гладкоствол. Понятно, кто-то не хочет ствол добровольно сдавать... пэпээсники попрыгали в машину, которая завывая и крикая сорвалась со двора, а я снова заговорил в рацию:

- Кац, дуй к Басику не оглядываясь, вокруг чисто.

- Принял. Ты-то сам что?
- Дай мне десять минут.
- Принял.

Осмотрел двор. Народ вообще притаился. Перешел в кухню, там окна на другую сторону дома – тоже почти безлюдно. Хорошо, напишу ответ любимой.

«Света, похоже, начинается оккупация под гнусным и предательским предлогом... Всё шло к этому. Накупи продуктов, побольше медикаментов, водки, и сигарет, наверное, тоже (последнее пойдет на бартер) на все деньги, что остались, больше в них не будет смысла. Собери походную одежду на себя и на детей, сложи в одном месте в кладовке, в школьные ранцы детям насобирай теплые вещи и необходимое. Ты у меня умница, сама всё сообразишь. Держи рацию включенной ежедневно с 6:00 до 6:30 и с 19:00 до 19:30 на двадцатом канале, буду близко – выйду на связь, при чужих выключай и прячь. Для всех и даже для детей я на охоте, с кем – не знаешь. Возможно, из города придется уходить. Мы с Сашкой попробуем найти место для временного лагеря, потом вернемся за вами. Записку сожги.

Целую крепко, люблю, твой Алексей».

Ну, вроде всё, навьючился, закрыл дверь на два оборота (Света сразу догадается, что я был дома, она всегда на один оборот закрывает). Спускаясь, задержался на втором этаже около почтовых ящиков, посмотрел еще раз на улицу – вроде спокойно. Ну, тогда жопу в горсть и бегом!

До машины оставалось метров двести, я замедлился и крадучись направился к ней. На дистанции сто метров нажал кнопку передачи и пару раз щелкнул по микрофону.

– Что ты там скребешься, я уже тут все ногти сгрыз ждать тебя, – вперемешку с матюгами обозначился Санек.

– Так уже дождался, – ответил я.

Санек сидел на корточках у колеса Басика и действительно грыз ногти.

– Ну и где ты провалился?

– Да своих дома не застал, пока собрался пока сочинение Свете написал. У тебя-то что?

– Ну что, пришел, всё рассказал Маринке, она сначала покрутила пальцем у виска и начала втирать мне, что мы с тобой два идиота и херней страдаем. Я ей поведал про разговор ментов, про беспилотник. Она не верила.

– Вот так, приучил женщину к тому, что ты стебок по жизни, и как тебе верить?

– И ты туда же! Ну так вот, а в моем доме, помнишь, МОБист из администрации живет?

– Ну...

– Гну! Подъехал, короче, уазик, выгрузились менты с МОБистом, значит, с Палычем. Палыч у мента-майора спрашивает: «Да как я буду старостой, мужики, я же ветеран-афганец, я офицер, совсем обалдели?» Мент ему и говорит: «Бери ключи, иди на работу, забирай МОБ-планы, и в отдел». А нам-то с женой всё слышно, второй этаж. Ну, притаились, слушаем. Палыч им: «Да вам надо, вы идите и забирайте, а шестерить перед НАТО не собираюсь». И тут тот прапор – помнишь, с КПП? – как саданет ему прикладом по затылку, я жене аж рот закрыл рукой, она чуть не закричала, испугавшись. Палыч упал, они его попинали и уехали. А Маринку на истерику пробило. Пришлось отвесить ей оплеуху, жалко, но зато собралась сразу как-то и надулась, хоть успокоилась. Я ей еще раз подробно всё объяснил, дал вводные, собрал барахло, ствол и на выход. Выбегаю из подъезда и нос к носу сталкиваюсь с ментом, видать оставили одного – Палыча караулить, ну и как бежал, так со всего маха «штрафной» по яйцам ему и пробил, ногу аж об фартук его броника отбил. Ну, этот с копыт. Я на дорогу, а сверху метров двести УАЗ пэпээсников катится. Ну, я и ходу дворами до тебя, и ты как раз на связь вышел.

– Ясно, – ответил я, протягивая Сашке фляжку с коньяком. – На, глотни.

Санек занюхал кепкой, потом вопросительно посмотрел на меня.

– Хватит, нету раздавать, – сказал я, забирая фляжку.

– Что дальше? – спросил Санек.

– В смысле вообще или сейчас?

– Эм... Сейчас.

– Сейчас грузимся и едем, в районе дач пересекаем федералку на северо-запад и мотаем на треть бака в распадки на северо-запад. А вообще... Не знаю, Саш, скорее всего, воевать придется.

Побросали рюкзаки в салон и уселись в машину.

– С берданкой против пулеметов? – опять начал делать маникюр зубами Сашка.

– На первое время и берданки хватит, а там посмотрим. Не трави душу, и так тошно, а главное, что-то страшновато мне. Ладно, едем, – отхлебнув из фляжки, завел машину, огляделся и включил передачу.

Тот же день В поисках лагеря

На полном приводе и на пониженной, ползем по лесной дороге. На часах 15:00. Пьяными дорогами без проблем выбрались за город, едем на запад. Километров восемьдесят по спидометру отмотали по прямой, судя по карте – километров на полсотни от города. Нормально, можно передохнуть немного. Горючки полбака и еще полных две канистры в багажнике. Приемник по-прежнему молчит, периодически Санек запускает автопоиск станций – бесполезно. Я достал сигареты, в пачке не густо – три штучки.

– Ну что, бум бороться с курением? – съехидничал Санек.

– Может, и бум, – сказал я, закуривая и глуша движку.

Вышли, огляделись, прислушались. Глушь, нормальная такая таежная глушь. Я прошел вперед по еле заметной в высокой траве колее.

– Очень давно тут никто не ездил.

– Похоже, – задумчиво согласился Санек, всматриваясь в сторону северного склона от дороги. – А что это там? Глянь.

Я повернулся и пригляделся туда, куда Сашка показывал рукой. Метрах в ста виднелось какое-то непонятное нагромождение, причем явно рукотворное. Но было тихо, ни голосов, ни шума.

– Ладно, давай-ка уже экипируемся, что ли, по-боевому, а то навели суету, смылись, а сейчас из-за невнимательности влипнем, не дай бог. Да и тренировки твои – диссонируют они с окружающей нас красотой.

– Сплюнь, каркуша, – сказал Санек, открывая аппарателю салона микроавтобуса.

Выволок рейдовый рюкзак. «Ну, и что тут у нас?» – начал я бубнить себе под нос. Достал сверток с МРкой собрал, дернул затвор, дослал, нажал на спуск – всё работает как часы, как и должно работать ухоженное оружие. Патронташ набил картечью, всего двадцать четыре патрона плюс шесть пулевых в патронташ на прикладе (очень удобная штука) и пять картечи зарядил в «мурку» – так народ ласково прозвал МР-153. Отлично, всего тридцать пять патронов и, бляха муха, почти два кэгэ веса у этого боекомплекта. «Да, – задумался я, – нарезняк в плане веса боекомплекта получше будет. Ну, надеюсь, не проблема скоро будет разжиться старым добрым АК, раз пошла такая пьянка...» Надел поверх армейской «флоры» (я в ней на рыбалку и на охоту всегда езжу) «сумрак» – отличный комок, прям как будто под нашу приморскую растительность сделан. На голову вязаный подшлемник, гарнитуру к рации, рацию в карман «флоры», перетянул лишние провода изолентой, клапан кармана на пуговицы – придется кувыркаться, уже не выпадет. Отстегнул от разгрузки гранатные подсумки (сложить вдруг чего) и флягу и надел на ремень, которым и подпоясался. Кизлярский «Ш-4» на пояс, патронташ на плечо через голову. Покидал в РД дождевик, НАЗ, стропу, еще полсотни картечи, котелок с сублиматами. Ну вот, рюкзачок для пеших прогулок готов, отложим пока его в машину. Перешнуровал ботинки, попрыгал, «погремухи» вроде нет – отлично, я готов. Теперь главное – в зеркало на себя не смотреть, чтобы не обделаться со страха, «кубинос партизанос» хренов, мандраж в коленках так и проскакивает волнами.

Сашка уже тоже успел преобразиться в партизана-охотника, также в «сумраке» и с ИЖ 27 наперевес – отличная двудулка для охоты, а как она для партизанщины, еще надо проверить.

– Ну что, кроме нас пока в округе никого, – сказал Санек, – надо только проверить, что за «берлога» там в низине.

– Хорошо, давай. Я пока обойду по дуге и займу позицию, а ты по свистку спускайся прямо. Рация на втором канале.

– Угу, – кивнул Санек, присаживаясь на колено и готовясь прикрывать мой маневр.

Земля после вчерашнего дождя еще не просохла, так что достаточно бесшумно (как мне показалось) я прокрался по дуге к поляне.

Интересное зрелище. Прицеп, похоже тракторный, на нем восемь ветхих ульев с выцветшей краской, у прицепа спущены колеса, которых почти не видно из-за обвившей их растительности. Метрах в десяти от прицепа – грубо сколоченный стол из горбыля и пара скамеек, тоже сильно заросшие. Чуть в стороне нечто, накрытое несколькими кусками потрескавшегося линолеума и выгоревшим на солнце куском брезента. По силуэту этого лесного памятника догадался, что это мотоцикл с коляской. Еще дальше, метров двадцать от прицепа, в тени от широких крон деревьев и сильно заросший высоким кустарником и лозой актинидии, стоял то ли сарай, то ли щитовой домик со скатной крышей. Два на два метра примерно, я видел дверь и вроде окошко, маленькое, с обрывками пленки, которая когда-то заменяла стекло. Трава нигде не примята, заметно паутину, на столе куча опавших листьев. Здесь давно никого нет, вероятно.

– Кац, я на позиции, прикрываю, как принял?

– Принял, выдвигаюсь.

Вижу, как медленно приближается Санек, сажу... вслушиваюсь, вглядываюсь. Пока тишина. Санек приблизился к мотоциклу.

– Замер, прикрываю...

– Принял, – ответил я и перебежал за прицеп.

– Иду дальше, прикрывай.

Санек медленно обошел все хозпостройки.

– Захожу, – сказал Санек, сделал рывок к двери, а я почти одновременно подскочил и сунул «мурку» в окно. Косой столб света от открытой двери осветил грязный пол, взметнулась клубами пыль и сухие листья. Санек достал фонарь, луч пополз по стенам и полу. Никого. Обошли еще по спирали поляну. Метрах в ста ниже обнаружилось русло высохшей мелкой речки, вместо которой меж белых и гладких камней теперь бежал ручей с чистой и прозрачной водой – хорошо, на водопой можно ходить не оставляя следов. Вернулись в сарайчик. Пара табуретов, тумбочка у стены, рядом в углу сложенная раскладушка со сгнившим и осыпавшимся брезентом, а вдоль противоположной стены старые бидоны из-под молока. Восемнадцать штук, три ряда по шесть, стоят друг на друге. Постучал – некоторые полные.

– Давай один снимем и посмотрим, – предложил я.

Попыхтев, сняли один бидон с верхнего ряда. Открыл – сладко пахнуло, посветил фонарем... Ну конечно, мед! Засахарившийся и превратившийся в большую карамельку. Пчелок жалко – вымерзли, наверное.

– Осмотрись пока, а я подгоню сюда Басика, сказал я.

Прежде чем отъезжать, походил вдоль колеи, присматриваясь в сторону поляны. Получалось, что прицеп можно увидеть именно с того места, где мы остановились. Удачно так остановились. Покопался в рюкзаке, извлек оттуда простенький навигатор Garmin. Смотри-ка, работает, и спутники обнаружили. Правильно, это же вражеские спутники. Отметил точку в навигаторе. Пусть и нам послужит вражья техника. Чтобы заехать на поляну, пришлось объезжать также по дуге, но с противоположной стороны.

– Как считаешь, подходящее место для лагеря? – спросил Сашка.

– Ага, только бы не погибнуть нам тут в борьбе.

– В какой?

– Не в какой, а с кем – с кариозными монстрами, – рассмеялся я. – Меда, глянь, сколько.

– Монстры от соевого шоколада вражеского, а от меда только польза одна.

Да, похоже, сюда постоянно кто-то пасеку вывозил на лето, но что случилось с пасечниками, непонятно. Забухали, техника сломалась? Сюда без «Шишиги» или «Беларуськи» этот прицеп не заволочешь. В общем, спасибо тем, кто тут построил эту сараюшку, будет где от непогоды временно спрятаться. Нарубили с Санькой высокого кустарника, вернулись на колею и воткнули ветки таволошки в землю так, чтобы нельзя было, так же, как и мы, случайно заметить этот прицеп на поляне. Более-менее навели порядок в сарае, отмыли найденное ведро и принесли с ручья воды на питье, готовку и умыться. Перебрали свое барахло и аккуратно уложили всё в Басике, а то болталось по салону. Да и если быстро срываться с места, чтобы было, как говорится: «Всё свое вожу с собой». Ну, можно и поужинать. Сварили риса с тушенкой, поели и, заварив чаю, уселись «во дворе» за стол. Да, натюрморт писать можно – стол из горбыля, на нем две фузеи (как говорила моя бабушка), котелок с чаем и придавленная двумя кружками карта автомобильных дорог Приморья – не весть что, конечно, но хорошо, хоть эта есть. В общем, натюрморт партизанского быта.

– Да, за эти сутки как отдельную жизнь прожил, – вздохнул Сашка.
– Завтра новый день, и надо решить, как мы его проживем, и вообще как жить дальше.
– Да не ясно еще ни хрена, может, и сваливать из города не обязательно было.
– Может, и не обязательно, но как бы ни называли наши власти то, что произошло, я понимаю это однозначно – оккупация.

– Вот ты говорил «воевать»... а за что?
– За свой дом, за близких, за эту вот тайгу. Сань, это наша земля, своим молчаливым согласием мы позволили ее продать врагу. Надо исправлять ошибки, и свои, и чужие.

– Угу, – отхлебнул Сашка чай и снова придавил край карты кружкой. – Слушай, а как возвращаться будем за своими?

– Обдумать надо, завтра поедем обратно, Басика бросим в районе Полка (несколько домов старой постройки недалеко от въезда в город), потом пешком и не отсвечивая мимо Шанхая (частный сектор с западной стороны города), и со стороны котельной вдоль речки выйдем к гаражам. Там в подлеске посидим, понаблюдаем. На связь выйдем, расспросим, что к чему.

– Ну, давай так, – согласился Санек, – тогда теперь, бай, чур я первый!

– Хорошо, по четыре часа будем дежурить, я тебя разбужу.

На улице заметно похолодало, и поднялся ветер. Он раскачивал кроны деревьев и срывал уже начавшую засыхать листву. Не более плюс семи, и облачность плотная. Сашка разложил пассажирские сиденья в Басике и завернулся в спальник. Я поддел термобелье, накинул на плечи расстегнутый спальник и пристроился у прицепа на пенке, прислонился к колесу, ствол на коленях. Сiju, слушаю лес.

Как же это все случилось, задавал я себе вопрос, и сам на него отвечал. А чего, собственно, оставалось ждать? Вот и прилетел «вдруг волшебник в голубом вертолете». Ага, с надписью UN. Пиндыр, конечно, но всё к тому и шло на самом деле. Чего можно было ожидать, когда семьдесят процентов населения за чертой бедности живут уже более десяти лет, а три – пять процентов распродают нашу страну направо и налево и имеют от этого нехилый профит. Естественно, с нашего народного молчаливого согласия. Армия превратилась в голодную обезьяну с гранатой. Одебившая от пива, наркоты и безделия молодежь. Зато в телеке «don't worry, be happy» – ВВП удваивается, и вообще всё «зашибись, и у нас езь для ваз мазь». У правителей наших понятие государства поместилось внутри МКАД. В общем, «дарাগие россияни» опять жидко обделались, все мы... теперь всё, стадо баранов готово к стрижке. Власть имущие устраивают свою жизнь и жизнь своих детей в странах потенциального противника и зачастую даже ведут там успешный бизнес, продавая богатства одной шестой части суши.

И ведь даже если найдутся, в чем я не сомневаюсь, люди, готовые бороться за свою Родину – именно Родину, а не государство, с его газпромами, сбербанками, деприасками и абрамовичами – то как им всем объединиться, как научиться слышать и слушать друг друга и принимать верные и самостоятельные решения? Одно я знаю точно, демократия – это не про нас! Демократия и европейские ценности нас убивают. Ну, одно радует: мы, вон, с Сашкой уже объединились, мы уже «не поодиночке», и есть на примете несколько человек, которые, скорее всего, тоже не будут менять свою Родину на «стеклянные бусы». И наверняка среди офицеров найдутся те, кому этот финт ушами с ММС не по душе. Поживем – увидим, пока стоит задача выжить, оценить ситуацию и действовать. Как? А дальше видно будет.

Начал ощущать, как холодает, отхлебнул из фляги. Однако надо бы запастись для сугрева. В «тревожном рюкзаке», конечно, лежит армейская фляга с чистым спиртом медицинским, но запас нужен. Зима впереди, а это и мандраж прибить поможет, и согреться. Показалось, что хрустнула ветка вдалеке, потом еще... насторожился, прислушался, пытаюсь превратиться в большое ухо и понять, откуда звук. И тут до меня дошло – это перестрелка. Сделал вызов в рацию. И чуть не рассмеялся в полный голос, когда увидел, как Сашка в Басике подорвался, открыл дверь и, ничего не соображая, но с ружьем выкатился на траву такой боевой гусеницей, потому как он был еще наполовину в спальнике. Гарнитура-то у него от рации в ухе была. Ну, вот и боевую тревогу отрепетировали. Давясь от смеха, сказал в рацию:

– Кац, замри.

И тут я увидел последствия нашей невнимательности – при открывании двери в салоне зажигается свет. И стоит теперь Басик, как елка новогодняя посреди поляны. Делов-то было – просто кнопку передвинуть на светильнике в другое положение, но кто бы это сделал? В общем, это косяк, и в будущем может быть косяком смертельным. Но Санек быстро сообразил и закрыл аппарат салона.

– И что?

– Слышишь перестрелку вдалеке?

– Похоже на то.

– Где это может быть? Тут же вроде не должно быть ничего. Может, кого по лесам гоняют – например, таких же, как мы.

– На хрен сейчас такие, как мы, никому не нужны, – сказал Санек, вставая и освобождаясь от спальника. – Похоже, это на ЗКП (запасной командный пункт) командующего замес. Да... стопудово там.

В плане ориентирования я Сашке доверял полностью, он местный, с детства по тайге, а я в Приморье только с 1992 года, как служить призвался, а потом по схеме – влюбился, женился и остался, уже восемнадцать лет как.

– Значит, на завтра надо маршрут изменить, и сначала там, на ЗКП погоду понюхать.

– Ладно, раз уж я проснулся, заступлю на дежурство, – сказал Санек, подпихивая зажженную таблетку сухого спирта под котелок с недопитым с вечера чаем.

А я завалился спать, положив «мурку» на пол. Уснул на подлете к подушке, и Санек разбудил меня в 6:00, так же – вызовом в рацию. Да, надо привыкнуть, а то, подрываясь от противного и громкого пиликанья в ухо, можно и переломать себе что-нибудь.

Двенадцатое октября

Первая вылазка

Заварили чай, накидав побольше лимонника, чтоб взбодрило. На траве с утра был виден иней. Значит, скоро начнут прижимать холода. Надо будет забрать дома зимний охотничий комбинезон, да и не только. Надо вообще хорошо обдумать вопрос одежды, обуви и снаряги, для детей в первую очередь, при условии, что придется их тоже в лес тащить. Уже скучаю по ним, по Свете.

– Под утро опять беспилотник жужжал, – сказал Санек.

– Это плохо, с их приборами всякими там тепловизорами и сканерами нас тут быстро попалят.

– Ну, я, как эту муху навозную услышал, сразу под прицеп закатился. Два раза над нами пролетал с интервалом в тридцать минут, первый раз в полпятого.

– Надо бы приметить «расписание авиарейсов», чтоб не прилетел к нам какой-нить «подарок» по наводке этого беспилотника. Да, пока мы еще не нахулиганили, мы охотники – мирные аборигены, и с чего бы нас трогать. Да и скорее всего, это разведчики, то есть не несут на себе никакого вооружения. Мы им просто пока не интересны, наверняка нас на рыбалке ночью тоже срисовали.

– Всё равно надо что-то думать, – озадаченно сказал Сашка, помешивая чай веточкой лимонника.

– Ну, а что думать, тут думай не думай, а беспилотник – это серьезная угроза. Мы же с тобой не армия, у нас нет РЭБ и ПВО. В нашей ситуации максимальная защита от беспилотника – это прикинуться ветошью и не отсвечивать. Или ты предлагаешь в следующий раз, когда будет пролетать, жахнуть по нему из твоей двудулки дробью покрупнее?

– Тебе всё бы постебаться, да? Я что, не понимаю, что в случае целенаправленной охоты за нами такими вот хреновинами у нас нет шансов? Просто я думаю, как обезопасить хотя бы этот лагерь от наблюдения. Где-то читал, что может фольга как-то защитить.

– Может быть, и защитит, тут главное – погасить источник тепла для неподвижного объекта, а если накрыться, к примеру, «космическим одеялом», что мы в прошлом году заказывали на «Армитексе», то это не надолго, потому что оно всё равно нагреется, хотя как временное решение вполне подойдет, вероятно. О, а вот теплоизоляция, которая типа наших пенек с алюминиевой фольгой, это вариант. Я даже знаю, где ее можно позаимствовать. Из нее можно вполне сделать некий теплоэкран хотя бы для этого сарайчика.

– Ну вот, хотя бы так. А пока мы в лесу, нас особо не видно, думаю. Лес плотный достаточно, и листва недели две – три точно продержится.

– Ладно, поехали на ЗКП. Как прятаться, придумаем потом.

Дорога заняла почти два часа, ехали медленно, периодически останавливаясь. Прислушивались, принохивались и приглядывались. Не доехали до ЗКП примерно полтора километра. Загнали Басика в высокий и плотный кустарник, проверили связь и медленно начали подниматься к ЗКП, всё так же останавливаясь и прислушиваясь. Дошли до покосившихся бетонных столбиков с кусками колючей проволоки и ржавой табличкой «Стой!» – когда-то это был забор. Значит, уже близко.

– Чуешь? Гарью тянет, – Санек втянул воздух.

– Есть такое. Нормальным биноклем бы разжиться, а то в ПОСП, хоть и шестикратный, много не насмотришь, – ответил я, припадая к резиновому наглазнику прицела.

Я разглядывал ржавую, с задранной от ветра кровельным железом на грибке, караульную вышку. Когда-то давно, наверное, тут бдил часовой. Но когда разваливалось всё, и служба на

ЗКП тоже развалилась. Уже много лет здесь не было часовых, только сторожи. Единственное, что там можно было сторожить, так это резервный узел связи. Да и так добра хватало, которое сторожили от сдачи на металл, не всегда удачно, конечно, а порой и сами сторожа увозили что потяжелее на пункт приема металла. Только на время учений всё в относительный порядок приводили, но баню, которая здесь была, содержали в идеальном порядке. Хорошая, говорили, баня, в нее попариться штабные шишки часто ездили, да и не только они.

Я еще раз осмотрел подходы к ЗКП – вроде чисто, во всяком случае с этой стороны склона.

– Потихоньку пошли выше, – скомандовал я, чувствуя, как начинается шум в ушах и пульсация адреналина в висках.

Прошли еще метров пятнадцать, я опустился на одно колено.

– Кац, смотри фронт, я справа обойду.

– Принял.

Прошел еще метров двадцать, забирая постепенно вбок. Вроде тихо. Хотя... был еле слышен приглушенный разговор. Я попытался сообразить, откуда звук.

– Кац, какая-то болтовня слышится, но непонятно откуда. Продвинулся еще на десяток метров вперед, я пока прикрою.

– Принял, пошел...

– На месте, – через несколько секунд доложил Сашка.

– Принял, я дальше.

Начал продвигаться дальше, вот уже видны насыпь входа в бункер самого ЗКП и бетонный гриб вентиляционной шахты метрах в двадцати от меня. На сорок пять градусов левее будка сторожа – в прошлом будка с военной коломбины. Там открыта дверь, и болтовня, судя по всему, оттуда. Дальше склон вниз. Поднятый шлагбаум КПП, далее железо-бетонные блоки в стиле антитеррор, три штуки в шахматном порядке. Поднимаюсь медленно выше... Видно крышу машины, точнее две – первая военный УАЗ, вторая... твою ж мать! «Хаммер»!

– Кац, замри! – сказал я сдавленно в микрофон гарнитуры и сам почти рухнул на брюхо то ли со страха, то ли от переизбытка адреналина. Не то чтобы я никогда не видел «Хаммера», у нас в городе их штуки три катается, но это был реальный натовский военный «Хаммер» или «Хамви» – черт их разберет!!! С люком в крыше и с какой-то убер-пушкой на вертлюге... Автоматический гранатомет, наверное.

Отдышался, успокоился, попытался привстать... хрен там! Ноги трясутся, дробовик бросил, потому как руки тоже ходуном. Да... а какая еще могла быть реакция, чего я ожидал? Вот он, потенциальный противник, иди и круши направо и налево!!! А вот нет, не Рембо я ни хрена, испугался одного вида вражеской техники. М-да, дела. Боюсь. И правильно делаю, что боюсь! Ибо только дурак ничего не боится.

– Кац, на ЗКП натовцы, погоди минуту, мне надо штаны вытряхнуть, – попытался я шуткой сам себя взбодрить.

– Херово.

– Погоди, дай сообразить.

Повалялся так приходя в себя еще минут пять. Сашка не выдержал:

– Док, ну что там, вытряхнулся?

– Ага, почти, сейчас повнимательнее всё осмотрю через прицел. А ты постарайся подползти ближе на горку, чтобы видеть, что происходит внутри.

– Принял.

Я подобрал прицел, который уронил с перепуга, и начал изучать.

Железная дверь в ЗКП открыта, оттуда кабели метров на пять выходят и скучены в бухту, рядом с дверью какие-то ящики – явно натовские, разных размеров. Наверное, какая-то аппаратура связи, судя по сложенной антенне. Будка сторожа, дверь открыта, за дверью темно.

У машин никого, в машинах тоже. Ноги чьи-то торчат из-за бетонного блока... стоп! Как-то неестественно эти ноги лежат... так, берцы наши, штаны – общевойсковая «флора». М-да, видать, «двухсотый», и видать, кто-то из наших вояк. Между КПП и входом в бункер та самая баня – небольшой домик с верандой из вагон-стойки, дверь закрыта снаружи на незамкнутый висячий замок – значит, там никого нет... наверное. Ну что, спуститься в сам ЗКП? Если вот так овражком проползу, то из будки сторожа меня не увидят.

В будке продолжается приглушенный разговор.

– Кац, занял позицию?

– Да, нормально за корнями тут пристроился, всё просматривается хорошо. Тут, это, похоже, два труп за будкой, с твоей стороны их не видно.

– Еще один на въезде за блоком лежит. Саня, я сейчас спущусь в ЗКП, ты паси, если случится ситуация, в которой ты мне ничем не поможешь, отползай и тикай.

– Так, может, я уже прям сейчас свалю? Что мы тут навоюем? Ты что удумал там?

– Не ссы, я сам уже почти обделался от страха тут. Надо проверить, «Хаммер» всего один, значит их тут четверо – шестеро, не больше. Видишь, аппаратура какая-то в ящиках – может, инженеры какие-нибудь.

– Может, и инженеры, а троих уже вон положили.

– Ну так а мы тобой что, пальцем деланные? Не ссы, у нас фактор внезапности! Я пошел.

– С Богом.

– С ним самым, аминь.

Откинулся на спину, снял с шеи патронташ и прицепил на пояс – так удобнее, расстегнул клапаны патронных секций. Так, в «мурке» пять картечи, нормально... но стрелять и поднимать шум не хочется. Прополз овражком до входа в бункер, быстро просочился внутрь. Вот блин, со света во тьму... не вижу ничего. Так, спокойно, пока тишина. Глаза начали привыкать, я находился в тамбуре, дальше еще одна железная дверь и слабо освещенная лестница вниз, метров на двадцать. Пригнувшись, стараясь не скрипеть берцами по бетонным ступенькам, начал спускаться, держа ствол дробовика на уровне глаз, чтоб, если что, можно было быстро за одно движение выстрелить, лишь прижав приклад. Нащупал пальцем позади спусковой скобы предохранитель, утопил его – всё, готов стрелять. Внизу лестницы еще дверь, кабели змейками уходят вглубь. Быстро заглянул за дверь – никого. Еще коридор, метров пятьдесят. Выдохнув, осторожно пошел по нему, еще приоткрытая толстая железная дверь, стали слышны голоса. За дверью помещение, из которого было три двери. Одна закрыта, во вторую уходят кабели, третья открыта, и из-за нее слышен вражий говор и смех. Весело им, сукам! Там три трупа наших, а им весело... миротворческая миссия, говорите? Быстро заглянул в проем – еще коридор метров десять и приоткрытая дверь. Так, крадемся дальше. Сердце готово выскочить, и мне кажется, что его стук как звук барабана разносится по всему подземелью. Медленно подкрадываюсь, в приоткрытую дверь вижу помещение примерно пять на четыре метра, вдоль одной стены стойка с оборудованием, посередине стол, спиной ко мне и склонившись над столом над какими-то схемами стоят два молодых парня... не наших парня! Так, где оружие? На стуле рядом со столом. У стены два бронека и две каски лежат. У каждого натовца на бедре кобура с пистолетом.

Отшатнулся к стене. Соображай! Соображай... до них четыре метра, не больше, картечью-восьмеркой не промахнусь, такой фарш будет, на улице точно не услышат выстрела, глубоко и далеко коридорами. Еще раз аккуратно заглянул и, мягко говоря, обалдел... Что-то вкрадчиво говоря и улыбаясь, один положил другому руку ниже талии, а тот аж цветет в улыбке. Тьфу, бя... Однако, у нашей армии одни проблемы, у этих совсем другие... расслабились, голубки... И что-то такая злоба и отвращение меня взяли, глядя на эту гомосеятину... Не раздумывая сделал шаг в проем и, целясь куда-то в район их голов, два раза нажал на спуск. Два красных стекающих пятна моментально образовались на противоположной стене, они даже не

поняли, что случилось, не успели испугаться и рухнули вниз. А я, оглушенный двумя выстрелами двенадцатого калибра, так и замер в проеме. Звон в ушах, стук пульса в висках – мне казалось, что голова вот-вот лопнет. Секунды тикали. Плохо соображая, я дозарядил в магазин два патрона, развернулся в коридор и присел на одно колено, направив ствол вперед. В таком положении я пробыл, может, минуту, может, час, борясь с подкатывающей тошнотой. Время как-то расслоилось, и я его совсем не чувствовал.

– Mike, Steve... what happened? – донеслось со стороны коридора, и я услышал приближающиеся шаги, прислушался. Один идет.

«Иди-иди. И посмотри, что хапенд с твоими друзьями-педерастами», – подумал я, выцеливая начало коридора, куда быстрым шагом вывернул сильно размахивающий руками здоровенный натовский вояка, его карабин висел спереди на трехточечном ремне. Так он дошел до середины этого темного коридора, пока не понял, что за силуэт в проеме. Встал, как вкопанный, и даже не пытаясь потянуться к оружию.

– Do not shoot please, – сказал он и стал медленно вытягивать вперед дрожащую руку, при этом пятясь назад...

– Не угадал, – сказал я и нажал на спуск.

Ему просто снесло голову, он рухнул и завалил собой проход, и когда я наступил ему на грудь, чтобы пройти, он еще был в агонии. Почувствовав шевеление под ногами, я сорвался – меня все-таки вывернуло, да так, что чуть не задохнулся. Утерся, отдышался и пошел на выход. Ноги были как ватные. Выйдя в комнату с тремя дверями, закинул в магазин еще патрон и с дробовиком наизготовку вошел в помещение, куда заходили кабели. Понятно, щитовая и генераторная – уж в этом я соображаю. В углу помещения в неестественной позе – на коленях, посиневшие руки за спиной перетянуты пластиковыми наручниками, упираясь головой в пол, лежал человек... без лица, точнее без верхней части лица. Вероятно, он стоял на коленях, когда ему выстрелили в затылок. Судя по одежде, какой-то работяга наш, может электрик местный был, или сторож.

– Твари, – произнес я вслух. И заметил, как дрожит у меня голос.

Закрытое помещение было действительно закрыто, точнее заварено, причем давно, по сварочному шву виден не один слой краски.

Поднялся к выходу.

– Кац...

– Ну, ты скотина! Ты что творишь? Я думал, всё уже...

– Сколько меня не было?

– Одиннадцать минут, но как будто сутки прошли!

– Стрельбу было слышно?

– Нет, всё тихо... а ты что там – стрелял?

– Да.

– Мля, да ты чего?

– Всё... успокойся. А здесь что происходило?

– Да ничего, вот только эти в будке бубнят. Их двое. Типа караул, что ли. То один выйдет походит, то второй. Потом опять там пару минут сидят бубнят. Один из них поссать выходил, паскуда, прям на мертвых за будкой. Еле сдержался, чтобы не выстрелить, он еще потом к «Хаммеру» подходил, что-то по рации говорил.

– Вот и молодец, что сдержался. Подожди, сейчас доползу до тебя.

Я, пригнувшись, перебежал по дну овражка и вернулся на место в низине, где вначале с Сашкой разошлись, и затем по его следам поднялся, сначала пригнувшись, потом ползком. Этот маневр меня добил, жуткая одышка и сильное сердцебиение заставили меня ткнуться лбом в толстый корень дерева и пролежать так неподвижно минут пять.

– Ну что, курилка, отошел? – позлорадствовал напарник и ткнул меня прикладом в плечо.

– Ага.

– Что с этими делать будем?

– Ну, штурмовать эту будку, как «шпицназ», не осилим, – констатировал я неоспоримый факт.

– Надо их выкурить как-то.

– Есть мысль одна, не знаю, сработает ли.

– Какая?

– Дождаться, когда они там оба будут в будке, и запустить им в окно сигнальную ракету, у меня одна с собой. Зеленая – мой любимый цвет, – сыронизировал я, скопировав известного мультяшного персонажа, пытаюсь хоть как-то развеселить и взбодрить и себя, и Сашку.

– Да, вариант, – согласился Санек. – Ну, иди, пусти им зеленого петуха, а я дверной проем на прицел возьму.

– Не, давай лучше ты, у меня запас резвости кончился, да и пять зарядов в полуавтомате.

– Давай. Тогда я делаю так: обхожу, вон в то окошечко пускаю ракету, оббегаю вагончик и падаю вон за ту клумбу-покрышку. Ты меня только не подстрели.

– Хорошо, так и сделаем, должно сработать.

Сашке пришлось повторить в обратную сторону мое предыдущее перемещение, чтобы его не обнаружил кто-нибудь вышедший из будки, например, до ветру. Всё по тому же овражку он переместился до входа в бункер, затем мимо ящиков с аппаратурой, присел и осмотрелся. Из будки сторожа вышел солдат, постоял, прислушался, махнул рукой и зашел обратно. Сашка перекинул ремень двустволки через голову, чтобы бежать не мешала, и в три прыжка оказался у вагончика, успев на ходу открутить предохранительный колпачок и дернуть чеку, направив ракету в окошко. С шипением и свистом та влетела в вагончик и начала биться внутри о стены, потолок и пол, наполняя тесное помещение дымом и искрами. Сашка уже лежал за клумбой из покрышки, направив ружье в сторону будки. Спотыкаясь и что-то крича, из будки поочередно вывалились два натовца с оружием, пытаюсь сообразить, что происходит и найти укрытие.

От меня до них было не более двадцати метров.

Бам! Бам! Бам! Бам! Бам! Пять картечных зарядов перемолотили врагам ноги, чего я в принципе и добивался. Отчаянно крича и матерясь, один катался по земле, держась за висящую как тряпка конечность, а второй то ли оказался покрепче, то ли ему меньше досталось – уже отползал в сторону бетонных блоков.

Бам! Бам! И через десять секунд снова – бам! Бам! Это Санек добил этих калек. Ракета в будке уткнулась в деревянный топчан, и занялся пожар.

– Саня, смотри вокруг! – крикнул я, трясущимися руками загоняя патроны в подствольный магазин.

Сбежал к будке, зашел внутрь и, скинув на очаг возгорания матрас и одело с топчана, затушил огонь. Огляделся. На столе были разложены какие-то консервы, пара пластиковых боксов с сухим пайком, даже несколько банок пива, и еще какая-то вражеская еда в вакуумной упаковке. Ага, перекусывали, значит. Почти у двери лежали два АКМС, два подсумка на четыре магазина и кобура на ремне пээмовская. От наших убитых пацанов, наверное, трофеи. Выволок всё оружие на улицу. Санек сидел на клумбе и смотрел себе на руки, его всего коло-тило.

– На, глотни, только мне оставь, – я протянул ему фляжку.

Сашка сделал несколько больших глотков и даже не поморщился, словно компот выпил.

– Я их убил... людей убил, – сказал он дрожащим голосом и закрыл лицо руками.

– Саня, ты не людей, а врагов убил, люди вон там за будкой лежат, а еще один человек вон на дороге, и четвертый там внизу – сначала был поставлен на колени, а потом застрелен

в затылок. Это люди, наши люди. А те, кого мы с тобой убили, это враги и оккупанты, они б точно тебя не жалели. Помнишь? «Кто с мечом к нам придёт...»

– Ага, тот в орало и получит, – грустно улыбнулся Сашка. А потом зажал рот рукой, резко развернулся, нагнулся, и его вывернуло.

– Ну и тебя с почином, – я похлопал его по плечу. – Всё, давай соберись, времени мало.

– Прости, – ответил он, утираясь.

– Проехали, сам такой же, давай еще по глотку, проверяем тут всё и сваливаем.

Меня, конечно, тоже трясло, но уже гораздо меньше, чем в подземелье. И этот старик перед глазами стоит, с простреленной головой. Твари, мочить буду вас, пока жив!

Отхлебнули еще по паре раз из фляги.

– Пошли будазик и «Хаммер» глянем.

По пути к машинам посмотрел на тело, лежащее за бетонным блоком. Это был капитан. Спокойное лицо и мертвые глаза, глядящие в небо... грудная клетка вся в запекшейся крови. Как тут всё вышло у них с натовцами, уже, наверное, и не поймешь. Я присел и закрыл ему глаза.

– Похоронить бы их, – сказал Сашка.

– Саня, некогда.

– Да не по-людски как-то.

– Сейчас всё не по-людски у нас будет. Ладно, сейчас управимся с трофеями, вытащим деда снизу, всех сложим в этой будке и подожжём. Согласен?

– Хорошо.

– А выживем – кончится этот бардак, вернемся сюда и на месте будки крест поставим. Сань, и кстати, посмотри у них, может, документы какие найдешь.

– Ладно.

Я подошел к УАЗу – ключи в замке зажигания. Борт в нескольких местах прострелен, боковые стекла высыпаны. Заглянул под низ – вроде не течет ничего. Страхнул стекла с сиденья, сел, повернул ключи. Машина прочихалась и завелась. Топлива, если верить приборам, треть бака. За задними сиденьями обнаружили две полные канистры с бензином. Я достал одну и отнес к будке сторожа. Теперь вражеский трактор. Сразу полез в багажник. Какие-то коробки с инструментом и провода, здоровенный брезентовый баул, открыл – подарок, упакованная маскировочная сеть. Туда же в УАЗ. Два металлических ящика – ага, гранаты для этой херни, что на крыше. Ну-ка, как снять-то? Я вылез в люк. Ясно, больше возиться будем – на хер. Еще сумка, вот это уже хорошо – магазины к вражеским автоматам, и судя по всему, патроны в коробках, несколько гранат.

Сашка подошел.

– На, это в узик, – передал ему сумку.

В общем, снимали мы с убиенных врагов всё, что снималось, и обувь не побрезгали – хорошие ботинки, к слову, – перекидали в УАЗ. Также в «Хаммере» обнаружили две здоровенных аптечки, желанный бинокль с дальномером (разобраться бы, как пользоваться), вражеские сухпайки, хорошую лопату и ломик, набор инструментов всяких. Еще нашли какие-то мины, но брать не стали – нафиг, неграмотные мы по части такого вооружения. Нашли еще всякие кофры, коробки и коробочки... Покидали, в общем, что плохо лежит, в здоровенную сумку, в которой была еще какая-то снаряга. Также нашли контейнер длиной под полтора метра. Открыв, увидели в нем карабин, только длинный и с оптикой, с кучей причиндалов в формованных поролоновых ячейках – и это приватизируем.

– Ну, вроде всё собрали, пошли за дедом.

– Идем, – вздохнул Санек.

Сложили всех наших погибших в вагончик сторожа. При всех нашлись документы – с собой забрали.

– Ну-ка погодь, – сказал я, пошел к узику, покопался в сумке с трофеями и извлек оттуда гранату, М-26 чем-то похожа на нашу РГО. «Держите подарок», – разогнул усики предохранительной чеки, выдернул и, придерживая предохранительную скобу, подсунил под труп одного из убиенных оккупантов. Теперь вроде всё.

Полили обильно бензином. Ящики с оборудованием и «Хаммер» тоже облили, подожгли и поехали на узику пробираться к Басику. Не доехали метров триста, что-то стукануло и движка встала, видно что-то прострелили все-таки машине. Быстро перетаскали всё в микроавтобус, подгоняя друг друга. Завел движку, посмотрел на часы – 13:00, отхлебнул еще из фляжки коньяка, предал Сашке допить остатки, достал из бардачка последнюю сигарету и закурил.

– Санек, я предлагаю вернуться на поляну.

– Ага, только хотел сказать, попадемся со всем этим барахлом – расстрел на месте, однозначно.

– Да не только об этом, я устал... сильно устал.

– Согласен... давай. Заночуем, а с утра поедем, а то действительно, слишком много мы за сегодня на себя взяли, причем и в прямом, и в переносном смысле.

– Нормально взяли, и еще возьмем! Только отдохнуть надо.

Дорога обратно заняла часа полтора, сделали несколько хитрых зигзагов, пару раз ехали прямо по мелким речкам. У одной из рек, когда проверял брод, заметили нескольких фазанов в кустах, трех удалось подстрелить – вот и доказательство охоты.

Добрались до места. Гостей не было.

– Сань, надо бы какие-нибудь «контрольки» придумать.

– В смысле?

– Ну, в смысле, как сейчас, например. Приехали мы такие все из себя уставшие и невнимательные, а тут раз – и засада. И как засадят, не спиливая мушки.

– Да, что-то не подумал.

– Ладно, завтра придумаем и «контрольки», и по сигнализации периметра надо что-то придумать. Давай, вываливаем трофеи.

Инвентаризация показала следующее: лопата, ломик, два чемоданчика с красными крестами – серьезные такие вражеские аптечки, приличный ящик с инструментом, две двадцатилитровых канистры – одна пустая, вторая с бензином.

С каждого бойца НАТО мы поимели: каска с прибором ночного видения, бронежилет, налокотники и наколенники, штык-нож, переговорное устройство, «Кэмелбэк», противогаз.

Из трофейного оружия: пять карабинов М4 – компактный вариант автоматической винтовки М16А2, и одна винтовка М110 – та, что из контейнера, она была под 7,62х51. Пять пистолетов – девяносто вторая «Беретта», несколько коробок с патронами, куча магазинов, двадцать пять гранат.

Да, разбираться еще с этими вражескими железяками... От наших погибших ребят нам досталось два АКМС, к ним восемь магазинов, причем все пусты, и ПМ с двумя магазинами, тоже пустой.

В общем, толку пока от этих трофеев не много, надо разбираться. Справились только с пистолетами, нашли к ним около двух сотен патронов «9х19 парабеллум», удобные пластиковые кобуры на бедро или на пояс – как хочешь. В целом пистолет мне понравился. Кобуру примостил на пояс, туда же два дополнительных магазина в подсумке.

Пужинали, заварив бульон из кубика и какую-то розовую субстанцию вроде мяса из натовского сухпая. Я достал из «тревожного рюкзака» флягу со спиртом, отлил грамм двести в котелок и разбавил водой один к одному.

– Давай помянем наших мужиков.

– Давай, – согласился Санек, достал из кармана стопку удостоверений и паспортов.
– Запакуй герметично и вон – между корней спрячь.
– Ильин Тимофей Андреевич, Захаров Николай Петрович, Немченко Иван Тарасович, Фомин Игорь Сергеевич, – открывая каждый документ по очереди, читал Санек.
– Ну, помянем...

– Давай дежурить по два часа, сил нет, – сказал я.
– Хорошо.
– Иди ложись, я еще посижу.
Санек побрел, пошатываясь, к Басику, поправляя кобуру с трофейным пистолетом.
Я продолжал копошиться в трофейной мелочевке, вытряхнутой из подсумков и кармашков.

Нашел бумажник, открыл. Внутри было несколько пластиковых карточек, какие-то документы, деньги – целых двести баксов, и фотография... С нее на меня смотрели тот самый здоровенный мужик, который остался лежать в коридоре подземелья, полная женщина с красивым лицом, мне показалось, что она латиноамериканка, и две девочки, наверное, трех и пяти лет. «Господи... ну зачем... – подумал я, как бы обращаясь к этому солдату. – Кто тебя сюда звал, зачем ты пришел на мою землю убивать? Кто вас всех сюда звал? Я вас не звал!!!» Я с остервенением начал рвать фото на мелкие куски, чувствуя подкатывающий комок досады, боли и обиды. Сидел, прислонившись спиной к колесу прицепа, смотрел на обрывки фотографии у себя под ногами... молча... навернулись и текли слезы. В состоянии такой молчаливой истерики я просидел, немного раскачиваясь и тихо подвывая, с полчаса. Потом спустился к ручью, умылся ледяной водой. Отпустило. Выпрямился и, посмотрев на чистое звездное небо, глубоко вздохнул. На небе не было облачности, не было ветра... Хорошо.

Решил себя занять на время дежурства. Пополнил патронташ, перебрал и пересчитал все патроны и магазины. Получалось, что у нас есть тридцать магазинов для М4, и 860 патронов 5.56x45. Я от скуки начал набивать магазины патронами. Пару раз слышал шум вертолетов. Далеко. Когда закончил с магазинами, уже пора было будить Сашку. Чтобы не пугать его, как в прошлый раз, просто сказал в рацию:

– Саня, вставай, твое время.
– Угу, всё нормально?
– Да, всё спокойно.
В Басике послышалось копошение. Санек вышел, опять неловко поправил кобуру.
– Иди, ложись, я вроде немного отдохнул, через четыре часа разбужу.
– Хорошо, – согласился и пошел спать.
Проснулся от стука по стеклу окна.
– Что такое? – спросил я, ожидая чего то нехорошего.
– Да аккумулятор на рации сдох.
– У меня справа, в кармане рюкзака несколько пачек батареек, поставь вместо аккумулятора.

– Спокойно всё было, – сказал Санек, вскрывая пачку батареек.
Я посмотрел на свою рацию – индикатор заряда тоже мигал.
– И мне достань, – сказал я Сашке, извлекая аккумулятор из рации. – Завтра, когда поедем, от прикуривателя зарядимся, у меня переходник с собой.

Санек, пока дежурил, зря время не терял: на столе «во дворе» лежала стопка баксов, всего шестьсот двадцать, видеокамера, ноутбук, несколько мульти-тулов, шильно-мыльные принадлежности, какие-то блокноты, ручки, маркеры и... карта! В мягком прозрачном планшете. Посмотрел на карту – ни черта не понятно. Не понятно мне, но не Сашке – геодезисту с высшим образованием.

– Разобрался? – спросил я его.

– Вот тут мы, вот ЗКП, вот федеральная трасса, а вот наши палестины, – тыкая лезвием штык-ножа показывал Санька. – Ну, основное понятно, но тут куча обозначений и символов – в общем, не для нашего ума.

– Отлично, – обрадовался я. – А ум, который разберется, думаю, найдем.

Тринадцатое октября Возвращение с охоты

Мое дежурство тоже прошло спокойно, как будто кто-то всемогущий нас пожалел и не дал никому нас беспокоить. Ну, вот и спасибо ангелам-хранителям.

Завтрак у нас был буржуйский. Попили растворимого кофе с галетами и арахисовым маслом. Собрали всё, аккуратно сложили в сарай, в машине оставили только то, что вроде как брали на охоту. «Беретты» три штуки взяли с собой и по три магазина к каждому – припрятал их за панелью в обогревателе салона. Ружья почистили и сложили в чехлы. Сняли камуфляж и вернулись к аборигенному состоянию. Глянули друг на друга – две заросшие обезьяны, ну вроде ничего не упустили.

– Ну что, поехали? – спросил Санек.

– Поехали.

Когда отъехали метров на сто от лагеря, в нескольких местах, в том числе по колее, сделали «контрольки» из лески и веток, чтобы можно было обнаружить присутствие чужого на территории. Еще раз всё осмотрели и покатали домой.

– Лех, а что со стволами делать?

– Ну что, спрятать на окраине города, в пленку, вон, увяжем и прикопаем. И потом полицаям, главное, врать одинаково, что, мол, ехали, остановили, обыскали и ружья забрали, потрясти, вон, подтухшими фазанами.

– Что-то не думаю, что прокатит.

– Ну а как они проверят? Мы понятия не имеем, что это «были за менты и иностранные солдаты», состряпать мутное лицо, благо стараться не надо, ты на себя, вон, в зеркало посмотри, бомжара.

– Ну, фиг знает.

– Сань, ну а ты что предлагаешь? То, что осталось на поляне, это всё вражеское, чтобы его использовать, тренировка нужна, нужно научиться обращаться с ним. А наши дробовики – это уже проверенное и надежное оружие.

– В этом согласен. Ладно, бог не выдаст, свинья не съест.

Так, за разговорами, доехали до Полка.

– Давай стволы тут прикопаем, – предложил я, глуша движку.

– Не далеко?

– А где? Нам по-любому надо через КПП ехать и делать вид, что мы охотились три дня и не в курсе, что происходит.

– Да, верно.

Увязали стволы и патроны в пленку, прикопали. Еще раз проверили машину и себя на наличие подозрительных предметов – вроде всё нормально.

– Ну что, поехали помолясь? – спросил я Сашку.

– А у нас есть выбор?

– Ну, с богом.

Выехали на трассу и резво покатали к городу.

Глава вторая

За четыре месяца до...

Двадцатое июня

Сиджес, провинция Барселона, Испания

Сиджес, небольшой городок с населением около двадцати пяти тысяч человек на восточном побережье Испании, жил спокойной туристической жизнью. Приезжие не жили на пляже, в том числе нудистском, посещали всевозможные ресторанчики, а местные в основном трудились на туристическом поприще, неплохо при этом зарабатывая. Добрый десяток четырехзвездочных отелей принимал гостей, радуя их сервисом. У самого моря стараниями архитекторов в ландшафт красиво вписался небольшой особняк, на территории которого в этот день было суетливо. Подъезжали и уезжали машины, высадив пассажиров; бдительная охрана внутри и не менее бдительная полиция снаружи следили за безопасностью членов одного закрытого клуба.

Богато одетые люди рассаживались по своим местам за огромным круглым столом, оснащенным современным оборудованием для конференций. Некоторые были в военной форме...

– Итак, господа, – разнесся по залу голос, усиленный аппаратурой, – рад приветствовать вас на очередном заседании нашего Клуба, которое поистине должно стать судьбоносным... События, связанные с разработанным нами планом – и воплощаемым в жизнь на протяжении почти сорока лет, – говорят о том, что мы подошли к заключительной фазе. Первое десятилетие нового тысячелетия показало нам, насколько мир стал сложнее, и наконец он готов идти к мировому правительству. Всё говорит о том, что наднациональная верховная власть интеллектуальной элиты и банкиров мира, несомненно, более предпочтительна, чем национальное самоопределение, практиковавшееся в прошлые столетия.

Все присутствующие одобрительно закивали, улыбаясь и переглядываясь.

– Однако... – отпив из стакана минеральной воды и покашляв, председатель Клуба продолжил: – Однако есть один пункт плана, действия по которому необходимо форсировать. Наш коллега, Филипп Картер, подготовил несколько тезисов по существу вопроса. Прошу вас, Филипп.

Седоволосый мужчина неопределенного возраста «к пятидесяти» и с явно саксонскими корнями, нагнул ближе к себе микрофон, кивком поблагодарил председателя и начал:

– Как понимаете, господа, цивилизованный мир не может дальше терпеть то, что в России нет демократии и свободы, что российская власть попирает права своего народа! Наша миссия – дать нашему, хоть и угрюмому и вечно пьяному соседу, – в зале заулыбались и раздалась смешки, – эту свободу. Мы нашли единомышленников в России, – докладчик посмотрел на рыжеволосого мужчину в очках в тонкой дорогой оправе. Тот улыбнулся и учтиво кивнул. – Это успешные бизнесмены и политики, разделяющие наши взгляды на современное мироустройство. Благодаря им, многое сделано и еще будет сделано для достижения целей. Миллионы долларов, вложенные нами в различные организации, СМИ и технологии, я вас уверяю, окупятся сполна! Россия – большая и богатая страна, но ею сложно управлять в том виде, в котором она есть сейчас, и нам необходимо сегодня принять решение о разделении между блоками зон урегулирования...

– Быть может, – прервал докладчика человек с явным немецким акцентом, – мы торопимся, патриотизм русских и их, скажем, безответная любовь к Родине может создать нам проблемы.

– Что вы, Макс! Это уже в прошлом, – улыбнулся докладчик. – Это Наполеона много лет назад остановил русский мужик с топором, во Вторую мировую сотнями пропадали войска вермахта в лесах... Но! Это было давно! Сейчас, когда мы уже много лет насаждаем нашу культуру, наши ценности и мышление, от патриотизма русских ничего не осталось. Они почти ничего не производят, они в кредитной кабале, у них уже много лет отрицательная рождаемость и высокая смертность, русские еще больше пьют и – самое главное! – они забывают своих предков и их подвиги, предпочитают ту историю, кстати, которую для них написал ваш соотечественник Миллер и которою мы печатаем в их учебниках. Даже если и найдется горстка патриотов в какой-нибудь Сибири, то мы их там, собственно в Сибири, и изолируем. Это не должно вас беспокоить, Макс. Итак коллеги, на входе вам раздали материалы, среди них найдите синюю паку... В ней проект по зонам урегулирования, а также ультиматум премьеру с нашими доводами, аргументами и, естественно, предложениями, от которых, как нам всем становится понятно, он не сможет отказаться...

Двадцать седьмое сентября

Москва, пикет у здания министерства обороны

Триста военных пенсионеров разбили с утра палаточный лагерь и начали пикетирование с требованием обеспечить всех военных пенсионеров жильем. Сначала всё было спокойно, присутствовали СМИ, вели репортажи и брали интервью у военных. Несколько сотен сотрудников полиции стояли по периметру палаточного лагеря пикетчиков и ничего не предпринимали. Ближе к обеду возник стихийный митинг, туда быстренько подтянулись представители всяких оппозиционных партий, дабы пропиариться на проблемах бездомных вояк. Также появилась «политически активная молодежь» – всякие скины и их коллеги из проправительственных партий. Да и просто зевак собралось прилично. Пока митинговали, не заметили, как подъехали порядка тридцати пазиков с ОМОНОм. Полиция из оцепления направилась к палаточному лагерю и, как по команде, начали крушить палатки и, выкручивая руки воякам, «провозжать» их в подъехавший автозак.

Но не угадали, это не пенсионеры и студенты.

– Помогай, братва! – закричал седой майор Андрей Николаев – танкист, побывавший во многих горячих точках.

Вояки, объединившись, побежали к автобусу освобождать уже задержанных. Полицейских просто раскидали, разбили стекло в автобусе и стали помогать людям оттуда выбраться. ОМОН устремился на помощь коллегам-полицейским, началась массовая драка, офицеры не давали себя в обиду. Вдруг раздалось два глухих выстрела... толпа расступилась, на асфальте лежал тот самый Андрей Николаев. Из двух отверстий в груди, пульсируя, сочилась кровь, а напротив него стоял лейтенант ППС с пистолетом в руке.

Пружина сорвалась, толпа просто растворилась в себе и ОМОН, и полицейских из оцепления. Труп Андрея положили на оторванную от автобуса дверь и понесли.

– К Белому дому!!! В Кремль!!! – кричала толпа.

По всевозможным твиттерам, ЖЖ и прочим сетям информация разлетелась за считанные минуты, толпа ежеминутно увеличивалась, впитывая всё больше и больше людей. По пути кто-то с шарфиками «Спартак» начал бить витрины, поджигать машины.

К Белому дому стягивались крупные подразделения силовиков. Многотысячная толпа приближалась. В нее полетели гранаты со слезоточивым газом, и несколько водометных машин перекрыли дорогу. Остановить эту бурлящую реку людей было тяжело, но возможно. Специально обученные люди знали свое дело, стихийная демонстрация была жестоко подавлена. Применялись все средства, в том числе велся огонь на поражение. Снайперы быстро вычисляли самых активных.

В течение недели еще шли стихийные митинги в разных районах Москвы, и не только в Москве – в Питере, Екатеринбурге, Новосибирске, Ростове и многих других городах, заканчивались они всегда одинаково – жестоким подавлением.

Четвертое октября

Брюссель, штаб оперативного управления войсками НАТО

Мартин Потти, руководитель Восточного отдела аналитики, шел по коридору быстрым шагом. Войдя в конференц-зал, он кивнул присутствующим, вроде как поздоровался. В помещении стоял длинный стол, за которым сидело около двадцати человек. Мартин подошел к полному очкарику, который сидел в углу помещения за отдельным столом с компьютером, и передал ему компакт-диск. Очкарик кивнул, установил диск в привод, пощелкал по клавиатуре, и на интерактивную доску размером во всю стену вывалилась картинка. Мелькали графики, цифры, репортажи. Информация была о России. Комментируя картинку на экране, Мартин докладывал о событиях последнего полугодия.

– Господа, наш отдел, проведя анализ ситуации и исследования, предлагает наконец озвучить дату начала «гуманитарной миссии». У нас почти не осталось времени, еще чуть-чуть – и мы не сможем контролировать ситуацию. За последние полгода в России процент недовольных режимом вырос до критического. Президент России вчера прибыл в Лондон для якобы рабочего визита. Премьер и несколько министров находятся там уже неделю.

– Вы обеспечили охрану посольства России в Лондоне? – спросил сидящего справа человек во главе стола – лет пятидесяти, крепкий и напоминающий викинга. Это был Верховный главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе.

– Да, сэр, круглосуточно дежурят порядка двадцати агентов и отряд полицейского спецназа.

– Все документы по вводу в Россию Международных миротворческих сил должны быть подписаны не позднее шестого октября, сообщите об этом президенту России.

– Да, сэр! Мне уже звонили из российского посольства по этому поводу, они ждут.

– Отлично, доложите всем командующим групп ММС о семидесятидвухчасовой готовности, – удовлетворенно сказал «викинг» и откинулся в кресле.

Седьмое октября Владивосток, штаб Н-ской части бригады морской пехоты ТОФ

В сумраке кабинета сидели два офицера – полковник и подполковник. Полковник – командир бригады морской пехоты, подполковник – командир отряда пловцов-диверсантов из подразделения специального назначения ТОФ.

– На, ознакомься, – полковник протянул документ командиру диверсантов и пристально посмотрел на него.

– Да я лучше застрелюсь, чем такой приказ выполню.

– Зачем же стреляться, мы присягу народу России давали, поэтому считаю, что распоряжением, подписанным неким командующим группы ММС, можно потеряться. Вот что, Владимир Алексеевич, сегодня ночью твои ребята минировать американские эсминцы и устраивают фейерверк-шоу для НАТО, а я вывожу под прикрытием этого шума всю бригаду вот сюда, – полковник указал карандашом на отметку на карте. – Запомнил?

– Так точно.

– Начало операции завтра в 7:00. На, доведи до офицеров, потом уничтожишь, – сказал полковник протягивая лист, на котором было что-то написано от руки.

– Разрешите выполнять?

– Выполняйте.

– Есть.

Всё, что задумывалось операцией, наши морпехи смогли реализовать, правда с большими потерями. Около пятисот человек личного состава и два десятка единиц боевой техники удалось вывести из Владивостока. Остатки бригады скрылись в районе г. Лысая, примерно в ста километрах на север от Владивостока.

Восьмое октября

Владивосток, тридцать третий причал, 6:40

Корабли флота США стояли у пирсов. Конечно, наши корабли, и вообще состояние пирсов, в сравнении с крейсером Philippine Sea, фрегатом Nicolas, эсминец USS Higgins, десантным кораблем USS Ashland выглядели, мягко говоря, тоскливо. На палубах и у трапов были выставлены караулы, а вся территория пирсов была за ночь огорожена колючкой и выставлены посты из бойцов НАТО.

В предрассветном сумраке на юте фрегата Nicolas стояли две фигуры.

– Сэр, вы первый раз в России? – спросил чернокожий сержант у лейтенанта.

– Да, Майк, в принципе, как мне и говорили – угрюмая страна и угрюмые люди.

– Как вы думаете, сэр, мы здесь надолго?

– Думаю, да, – ответил лейтенант и вдруг как-то изменился в лице, дернулся, кашлянул кровью и ссыпался на палубу.

За спиной у сержанта из темноты возник черный силуэт, кто-то с силой дернул назад за переднюю часть каски, да так, что было слышно, как хрустят шейные позвонки. Последнее, что видел сержант, это матовое лезвие клинка, которое прервало его почти вырвавшийся крик.

Ровно в 7:00 бухта Золотой Рог осветилась несколькими вспышками, стало светло как днем, у двух кораблей флота США в бортах ниже ватерлинии образовались зияющие дыры. У двух других разворотило надстройки. Вокруг всё горело и продолжало взрываться, а в это время бухту покидали две быстроходные резиновые лодки с едва заметными черными силуэтами...

Тринадцатое октября

Возвращение

Подъезжая к КПП ГАИ, мы с Сашкой как-то напряглись. КПП преобразился, само здание окружили двумя рядами бетонных блоков, образовав некий шлюз длиной пятьдесят метров. Снаружи стояли два бронетранспортера, развернув башни с автоматическими пушками нам навстречу. До взвода натовских солдат, и я не поверил своим глазам – около десятка наших гаишников с белыми повязками на руках. Как только мы показались из-за сопки и покатились к КПП, все засуетились, башни на бронетранспортерах угрожающе дернулись. У меня вспотело во всех местах и жутко захотелось в туалет. Сбавил скорость, и почти на пяти километрах в час подъехал на расстояние метров десяти к бронетранспортеру, изобразив как можно больше удивления на лице.

– Из машины!!! Мордой в пол, уроды!!! – орал, брызгая слюной, молодой лейтенант.

Нас выволокли, бросили на землю, пнули по ребрам пару раз для профилактики.

– Кто такие, откуда? – орал всё тот же летеха.

– Да... вы чего, бля! Местные мы... на охоту ездили, три дня в лесу были, – сказал я, пытаюсь восстановить дыхание после пинка по ребрам.

– Где оружие? Охотники хреновы! И где трофеи охотничьи?

– Да вот такие же нервные придурки, как вы, только нерусские, забрали всё, на дороге остановили, обыскали. Вот только трех фазанов нам оставили.

– Что ты тут мне горбатого лепишь! – сказал летеха и уже было замахнулся, чтобы еще раз пнуть, но его остановил подошедший натовский офицер.

– Ну, stop... stupid cop! – и на сносном русском продолжил: – Кто такие и куда едете?

– Да, бля, домой мы едем, я же говорю, с охоты. Что тут вообще происходит?!

– Хорошо, вставайте. Где, говорите, вас обыскали?

– Да в районе дач Каменских, здоровенный джип догнал, там военные в такой же форме, как вот у вас. Ну, обыскали, забрали ружья с патронами, ругались сильно, еще большую часть дичи забрали.

Офицер обошел микроавтобус, заглянул в салон. На полу лежали три тушки фазанов.

– Документы есть у вас?

– А у вас? Вы кто такие? – набрался смелости Санек.

– Я капитан Томас Майер, помощник дежурного по комендатуре вашего города, офицер Международных миротворческих сил, действующих на территории России согласно договору, подписанному вашим президентом шестого октября в Лондоне.

– А чего не в Москве-то? – спросил я и тут же получил тычок прикладом от летехи.

– Лейтенант, перепишите документы и отпустите, – сказал Майер, протягивая наши документы гаишнику.

– Оба, за мной... шевелитесь, – сказал лейтенант с недовольным лицом и пошел в здание КПП.

Мы повиновались, зашли в здание. Очень худой натовец в очках и с кроличьим лицом, быстро отсканировал наши документы, что-то настучал по кнопкам. Из принтера вылезло несколько листов.

– This is for you, and it's for your car, – сказал худой, протягивая мне документы и какие-то бланки.

Летеха еще сунул нам какие-то буклеты и сказал:

– Всё, свободны... пока. И это... С 20:00 до 8:00 – комендантский час.

Мы сели в машину и поехали по домам. В городе заметили, что на улицах появились военные натовские патрули, также попались идущие пешком два наших полицейских.

Я подвез Сашку и направился к своему дому. Проезжали редкие машины, иногда быстрым шагом проходили люди. Я поднялся в квартиру – лифт не работал. Открыл дверь ключом, вошел в коридор, меня встретила Светлана, кинулась мне на шею и тихо заплакала...

Четырнадцатое октября Дома

Проспал я, наверное, часов двадцать. Проснулся, посмотрел на часы – 11:00. Дома было холодно и неуютно, не май месяц всё же. Зашел в ванну, умылся, сбривать отросшую щетину не стал, зима скоро – морде теплее будет. Света звенела на кухне посудой, и как только я вошел, дети кинулись ко мне:

– Папа! Папа!

Потискал малышей, поцеловал и отправил за стол завтракать. Только сейчас, увидев Светлану в свете утреннего солнца, заметил небольшой синяк у нее на левой щеке. Подошел к ней сзади и положил руки на плечи, она тут же развернулась, уткнулась мне в грудь и опять заплакала.

– Кто это?

– Милиция приходила, хотели ружье забрать, я сказала, что ты на охоте, один из них ударил меня и сказал, чтобы я показывала, где сейф, и дала им ключи. А ключи же только у тебя, они позвали какого-то мужика, он возился минут десять, открыл. Ну, они посмотрели, что пусто, и сказали, как появишься, чтоб пришел в комендатуру.

– И где у нас теперь комендатура? Дожили, бля.

– Ну, в милиции, там у них вообще ужас, они в спортзале одиннадцатой школы сделали что-то типа тюрьмы, половину своих же ментов туда отправили.

– А за что?

– Ну как за что, не все же такие твари, как эти полицаи. Кто отказался подчиняться и выполнять указания этих «миротворцев», всех туда.

– Ясно. А что вообще происходит в городе?

– Объявление, вон, на подъезде висит, что сегодня дадут электричество с 20:00 до 24:00, чтобы в 21:00 включили телевизор, мол, по местному телевидению будут новости, и там всех известят о происходящем.

– К маме заходила?

– Да, старики твои вообще в шоке, папа чуть с кухонным тесаком не пошел воевать, еле успокоили.

– Этот может, старый коммуняка. А что у нас с продуктами?

– Два мешка макарон, мешок риса, гречки немного, ящик тушенки.

– Ну, это то, что в кладовке было, – как-то так получилось, что в последний год я покупал продукты мешками и ящиками на оптовых базах – и по магазинам часто ходить не надо, и дешевле выходило.

– Да, а я докупила рыбных консервов, муки, сухого молока, яичного порошка, соли, спичек, свечи, несколько блоков сигарет да коньяка три бутылки. В аптеку сходила, набрала антибиотиков, бинтов, анальгетиков и так, по чуть-чуть «от дрисни и от запора».

– Молодец, а чего тебя на работу-то вызывали?

– А там вообще было месиво. Под утро приехала дежурка госпитальная, меня забрали. Много операций было, оперировали раненых иностранных этих. Во Владивостоке что-то там взорвалось у них, много обожженных было, осколочных много и переломов, их вертолетами сюда доставляли. Домой только к вечеру пришла, а тут эти приперлись за ружьем твоим, хорошо хоть, дети еще у соседки были.

– Понятно, в общем так – детей к бабушке.

– Урррра!!! – заголосили мелкие в один голос.

– Половину продуктов тоже к ним, другую половину я вывезу.

– Куда вывезешь? Что вывезешь? Ты куда опять собрался? – дрожащим голосом спросила Света. – Ты там сгинешь где-нибудь, а что с нами будет?

– Свет, а что с нами будет, если мы будем сидеть на жопе и слушать натовские новости по телевизору?

И я рассказал ей всё, начиная от возвращения с рыбалки и заканчивая вчерашним возвращением с «охоты».

– Мы же не знаем, что по всей стране происходит, что там в столице, что президент про это думает, – шмыгая носом, сказала Света.

– Президент?! Да ни хрена он не думает! Он в Лондоне сидит, вот подписал договор об этой оккупации и сидит себе. На вот, почитай, думаю, в новостях то же самое скажут, – я протянул ей брошюрку, которую мне дали на КПП.

Света молча взяла цветастую брошюрку, полистала. На страницах даже была реклама чего-то там.

– Потом почитаю, у нас для газовой печки всего двадцать баллонов, на чем готовить будем?

– На буржуйке. Из гаража привезу, да и походная печка там есть бездымная, на ней удобней, а дрова... вон, тайга кругом. Ладно, пойду схожу в их «застенки гестапо», в комендатуру в смысле, и интересно, кто у нас тут главный Мюллер, может встречу кого знакомого, может новости какие.

– Так как же ты пойдешь? У тебя желтого талона нет, и на машину надо получить.

– Всё есть, – сказал я, показывая бланки желтого цвета, которые мне выдали на КПП.

Влез в джинсы, свитер, надел сверху старую кожанку. Взял с собой документы. По дороге решил зайти к Борису – соседу. Постучал, за дверью раздался остервенелый лай Шаха. Лязгнул замок.

– Шах, место! – Борис открыл дверь. – А, Леха... привет, заходи.

– Да я на минуту. Что, холостякуешь?

– Ага, мои же две недели назад в Новосибе уехали в отпуск, и что там теперь как – черт его знает.

– Понятно, как тут обстановка?

– Дерьмо обстановка. Полицаи приходили, ствол забрали. Выдали «горчичник» – вкладывай в паспорт желтого цвета, типа меня посчитали и я гражданин «новой свободной России».

– И что ты собираешься делать?

– Не знаю пока, вечером вот новости предадут.

– Ты, надеюсь, понимаешь, что это будут им нужные новости?

– А то...

– Помню, помню, ты умный домохозяин.

– А у тебя есть мысли? – спросил Борька, хитро прищуриваясь.

– Есть, давай вечером обсудим, – ответил я, попрощался и вышел.

По пути заглянул к Сашке и к родителям. У Санька дома всё, в принципе, как у меня: холодно, запах газовой печки и Маринка со слезами «на колесах». Посидели втроем, поговорили, Маринка успокоилась вроде.

– Ты куда сейчас?

– Да я к родителям, потом в комендатуру.

– Так мне тоже надо, Маришка сказала.

– Ну, собирайся, зайдем к моим только с начала.

– Сейчас, пять секунд.

Мои родители жили буквально через дом от Сашки, мы поднялись на этаж, позвонили.

– Сынок! Я так волновалась, отец, вон, психует ходит, – сказала мама, обнимая меня. – Здравствуйте, Саша, проходите.

Мы сели на кухне. Зашел отец:

– Привет, Анатолич, – поздоровался Сашка за руку с отцом.

– Ну, привет, охотнички, где были, что видели? А у нас вот такие новости тут.

– Мы знаем уже, что тут за новости. По телевизору смотрите сегодня официальные, но не верьте ни единому слову.

– Сынок, что же теперь будет, как мы будем?

– Мам, ты, главное, не впадай в истерику, и всё будет нормально. Жить будем и выживать будем. У меня к тебе просьба большая. Я к тебе детей приведу, и Сашка, может, своих девчонок. Вы вместе держитесь. Продуктов подкинем. Вместе будет и теплей, и веселей.

– Да о чем разговор, сынок, конечно. Только вот что ты делать собираешься?

– А это, мать, не твоего ума дела, – сказал отец. – Они всё правильно делать собираются.

Верно я думаю?

– Верно. Ну, нам пора.

Мы оделись, вышли и направились в комендатуру.

Приближаясь к бывшему отделу внутренних дел нашего города, заметили серьезные изменения в его облике. По периметру забора, которым было окружено двухэтажное здание еще сталинской постройки, возводили укрепления из бетонных блоков в два ряда и башенками из мешков с песком по углам, также по периметру была растянута «егоза». В ворота входили и выходили солдаты НАТО, полицейские и изредка попадались простые жители, как мы. На воротах нас встретили два «миротворца» и двое полицейских.

– Стоять, руки на белые круги, ноги на ширину плеч, – скомандовал на чистом русском один из солдат НАТО.

На недавно установленном баллистическом щите, на высоте среднего роста были нарисованы белые круги. Я встал, положил руки на круги. «Миротворец» прошелся вдоль туловища детектором металла, запищало.

– Что у вас там? Медленно достаньте и положите на стол.

Я достал из кармана связку ключей, выложил на стол. Повторная проверка прошла удовлетворительно.

– Следующий.

Ту же процедуру прошел Сашка.

– Цель посещения?

– Мы отсутствовали в городе с седьмого числа, и нам сказали, что надо явиться в комендатуру.

– Вы хотите получить вкладыш в паспорт или на машину?

– Нам на КПП выдали вкладыши.

– Только у меня нет на машину вкладыша, мне можно получить? – спросил Сашка.

– Если документы на машину с собой, проходите, двенадцатый кабинет. А вы, если нет других вопросов, отойдите за бетонные блоки, – обратился уже ко мне дежурный по воротам.

Сашка ушел в отдел, а я отошел за блоки, которые в шахматном порядке стояли на дороге перед воротами отдела, закурил и стал ждать возвращения друга.

Проезжали машины, несколько раз пролетало по три вертолета в сторону стадиона и обратно. Наверное, на стадионе сделали вертолетные площадки. Медленно лавируя между бетонными блоками, к отделу пробирался «Хаммер». Подъехав к воротам, остановился. Вышли два натовца, открыли заднюю дверь и выволокли оттуда четырех наших бойцов-морпехов со связанными сзади руками. Руки были перетянуты пластиковыми зажимами. Их заста-

вили сесть на землю, зачем-то надели каждому на голову черный тряпичный мешок и стали по одному заводить в отдел. «Интересно, откуда их?» – подумал я. Наверное, из роты охраны, у нас тут больше морпехов и не было, те на ЗКП – наверное, оттуда же.

В воротах показался Санек, поискал меня глазами, увидел и пошел ко мне.

– Ты прикинь, эти вкладыши имеют три цвета, – сказал Санек возмущенно. – Зеленый – это для лояльных к новому режиму, желтые – это нейтральные, а красные – это нелояльные к новому режиму и потенциальные партизаны.

– Планета Плюк, бля, не удивлюсь, что скоро фиолетовым штанам «ку» приседать заставят, – я сплюнул в сторону комендатуры. – Идем уже отсюда, надо еще до комендантского часа успеть с Борисом пообщаться, или ты не пойдешь со мной?

– Как это? Пойду, конечно, в три головы соображать легче. Домой только заскочу, предупрежу своих.

– Ну, подходи, как освободишься.

Я заскочил домой, перекусил и сказал Свете, чтобы отвела детей к бабушке, после чего направился к Борису.

Сосед открыл мне почти сразу, Шах даже залаять не успел. Я вошел и обнаружил в тамбуре уже собранный рюкзак и сумку «мечта оккупанта» – с такими в 90-е тут торгаши в Китай ездили за шмотками.

– И куда собрался?

– Как куда – с вами.

– Ладно, чаем напоишь?

– Могу и чем покрепче... наливки хочешь тещиной попробовать?

– Ну, давай Сашкуждемся, сейчас подойти должен.

Санек пришел спустя полчаса. Борис поставил на стол графин с наливкой, стаканы и открыл банку консервированных ананасов.

– Борь, принеси, пожалуйста, листок и ручку, – попросил я.

Борис принес тетрадь с ручкой и, передавая мне, сказал:

– Ну, за успех нашего предприятия надо принять.

– Одобрям-с, – согласился я и разлил по стаканам наливку из графина.

Мы выпили, и я взялся за писанину.

– Итак, заговорщики, поехали по пунктам.

«1. Необходимо создать боевую группу, привлечь надежных людей и специалистов. Создать сеть связных в городе и найти здесь надежных людей.

2. Заложить базу, а именно: обеспечить ее безопасность, запастись продуктами, боекомплект, медикаменты, экипировку, топливо, инструмент, средства связи, аккумуляторы и батарейки.

3. Сделать по периметру базы, города и в городе закладки с запасом продуктов, снаряжения, оружия и медикаментов».

– Это основное, далее наше с вами поведение и идеология.

«1. Мы не рембы, и не терминаторы, мы партизаны. И героически умереть, заповор кухонным ножом всего одного оккупанта, считаю, бессмысленно.

2. Наша основная цель – выжить, спасти как можно больше жизней и уничтожить как можно больше оккупантов.

3. Предателей и крыс мы тоже будем уничтожать, они хуже оккупантов.

4. И пока нас мало, нужно заняться именно материальным обеспечением нашей деятельности».

– От ты политрук, мля, – восхитился Санек и разлил по стаканам наливки. – Ну, в принципе всё верно, только где мы это всё возьмем, чтобы это всё обеспечить?

– А что ты там говорил про «три головы лучше»? Вот давайте и думать вместе. Какие предложения?

– Мужики, а вы не подумали, что нас как тараканов в лесу просто потравить могут какой-нибудь хренью, что мы не сможем ни поесть, ни попить и сдохнем в муках? – произнес до этого молчавший Борис. – Можно прогуляться в мою бывшую часть, склады практически в тайге, подходы знаю, пройдем незаметно.

– Да, упустил я что-то подобные методы ведения войны, верно говоришь, Борис, – согласился я. Борис был военным химиком, есть такие войска – РХБЗ. И то, что он предположил, вполне имело место быть. В нашем карликовом отряде он единственный был кадровым офицером, и упускать из вида его предположения было, мягко говоря, глупо. Я вырвал из тетради листок, протянул Борису.

– На, пиши список того, что необходимо.

– Хорошо, – согласился Борис.

– Значит, нужно копать землянку, – добавил Сашка. – И тепло, и скрытно, и относительно герметично.

– Правильно, тогда надо инструмент. У кого что есть?

– Да надо просто по нашим гаражам прокатиться да пособирать. У меня есть сучкорез, небольшие деревца валит не задумываясь.

– Пиши в список, – сказал Сашка.

– Борис, что еще в твоей части есть? – спросил я.

– Леха, часть постоянной боевой готовности, там всё есть. Главное – нам туда попасть без геммороя, и чтоб было на чем вывозить.

– На моем грузовике вывезем, до тонны увезет, к тому же полноприводный.

Да, у Сашки был неплохой японский грузовик, и мы договорились, что в следующий выезд на пасеку заберем у него из гаража две бочки припасенной там солярки.

– И кстати, надо с топливом что-то думать.

– А что думать, мне сказали, что топливо на заправках есть, только его за баксы продают, – сказал Борис.

– Ясно, а что еще за баксы продают?

– Да всё! Продуманные коммерсы сейчас активно получают зеленые талоны в комендатурах и бросать бизнес не собираются.

– Ясно, кому война, а кому мать родна, – констатировал я. – Санек, ну тогда твой гараж, наверное, лучше использовать как временный склад – на окраине города да на отшибе, и в лес уйти проще оттуда.

– Да, верно, – согласился Сашка.

Мы еще посидели с полчаса, обговорили нюансы. Решили, что завтра занимаемся сбором инструмента и продовольствия из того, что есть и доступно. Допили наливку, было уже 19:40, и Санек пошел домой, чтобы успеть до комендантского часа. Мы разошлись.

Дома принялись с женой готовить скромный ужин на двоих – макароны по-флотски.

– Скоро свет включат, и можно будет телевизор посмотреть с их новостями, – сказала Света.

– Ну, посмотрим, что нам расскажут... сказочники...

То, что подали электричество, я понял по писку часов, встроенных в электроплиту.

– Пока нам будут лапшу на уши вешать, давай-ка воду погреем на помыться.

Я зачерпнул из ванны два эмалированных ведра и поставил греться на плиту. Света все-таки молодец, сообразила, что надо воды набрать, когда всё завертелось.

Света также принялась обжаривать предусмотрительно замаринованное мясо, которое она извлекла из холодильника, когда отключился свет. Кстати мясо, чтобы сохранилось три-четыре дня, лучше мариновать без лука – опыт.

В 20:55 включил телевизор. Заставка... «Хм, странная как-то у вас настроечная таблица», – вспомнилось мне при виде четырехконечной звезды на синем фоне.

– Света, идем уже внимать голосу демократии.

– Да, иду.

Мы сели напротив зомбоящика. Заставка в виде флага НАТО пропала, и на экране появился диктор в широкой студии, явно с какого-то европейского канала. С почти незаметным акцентом он начал, не смотря в камеру, читать текст с листа:

«Граждане Российской Федерации, шестого октября в Лондоне состоялась встреча глав стран НАТО, ЕС и президента Российской Федерации. В ходе встречи был подписан договор о введении на территорию России Международных миротворческих сил. Этот благоразумный шаг был предпринят во избежание гуманитарной, социальной и экономической катастрофы. Провокаторы от оппозиционных сил совместно с международными террористическими группировками угрожают идущей по пути демократического развития России. В целях сохранения стабильности и удобного экономического управления, Российское государство поделено на три конфедерации.

Западная конфедерация переходит под управление Европейского союза, Южная – под управление Турции, Сибирско-Восточная – под управление США.

Рекомендуем гражданам соблюдать спокойствие и проявлять лояльность к новым временным администрациям в конфедерациях. Временно все экономические отношения в России ведутся в долларах США. Активное сотрудничество и помощь в выявлении террористов и провокаторов будут материально поощряться. Из лояльных к новому правительству граждан будут сформированы местные органы управления – губернаторы, мэры и шефы полиции. ММС планирует за короткие сроки провести аграрные реформы, поднять уровень культуры и экономики всех трех конфедераций. Страны НАТО сделают всё возможное для установления истинной демократии на территории России. Обращаем ваше внимание, что все законопослушные граждане России обязаны проявить гражданскую сознательность и лояльно относиться к временным трудностям Российского государства.

Более подробно со всеми рекомендациями и инструкциями можно ознакомиться, прочитав печатную продукцию Гуманитарного корпуса ММС.

Спасибо за внимание. До свидания».

Однако! Чего-то примерно такого я и ожидал. Удивляться нечему, и для себя я уже всё решил.

– Пойду помоюсь, пока свет есть, – я подхватил ведро и пошел в ванную. Нормально помылся первый раз за эти дни. Хорошо!

– Света, я тебе ведро в ванную отнесу, иди, пока лампочки горят, я мясо сам дожарю.

Ни о чем не хотелось думать. Когда опять выключили электричество, мы со Светой ушли в свою спальню и... ну, а чем еще могут заниматься в спальне два любящих человека, переживших стресс, соскучившихся и не знающих, что будет завтра?

Пятнадцатое октября

Подготовка и поиски

Проснулся рано, не было еще семи утра. Из дома еще не выйти – не положено, нас лояльными просили вчера быть, дисциплину не хулиганить и безобразия не нарушать. Решил походить по квартире, поскрести по сусекам. Пошел в свою комнату и залез в страйкбольный шкаф. Что у нас тут может пригодиться? О, штурмовые перчатки беспалые, еще остатки какой-то пиротехники, а вот это замечательно – две пары военных телефонных аппаратов ТА57, мы их использовали для внесения интересных моментов в сценарии игр. При условии, что супостат может слушать и сканировать эфир или подавлять частоту наших раций, эти телефоны могут пригодиться для связи базы с дальними дозорами. Пара бухт полевого кабеля в гараже лежит. Еще нашлось несколько пачек батареек, зарядное устройство для фосфатных аккумуляторов – те, которые имеют одинаковую токоотдачу и при плюс тридцати, и при минус тридцати. Достал с балкона коробку из-под ЭЛТ-монитора и начал упаковывать туда всё, что собирается и может пригодиться. Собрал одежду, зимний комплект военной «флоры», охотничий комбез теплый, простыни «разухи» – на портянки пойдет. В общем, присобрал еще барахла. Проснулась Света, я попросил ее, чтобы начинала собирать себя и всё по своей части, то есть поварской и медицинской. Она уже почти двадцать лет в военном госпитале работает в реанимации, где мы с ней и познакомились. А по образованию она фельдшер скорой помощи, так что и аппендицит вырежет в случае, если прижмет, и пулю достанет, если не глубоко, и заштопает. Также попросил ополовинить продукты для родителей, дома оставить продукты на двоих и воду на два дня, остальное собрать. Взял ключи от гаража и спустился к Борису.

– С этим комендантским часом у собаки мочевого пузыря лопнет, – бурчал Борис, открыв мне дверь. Бедняга Шах даже не помахал мне хвостом – лежал в коридоре тихонько и боялся расплескать.

– Боря, на, возьми ключ от моего гаража, помнишь – вторая линия, тридцать четвертый бокс?

– Ага.

– Езжайте с Сашкой с утра по гаражам, как Шаха осчастливишь. Скидывайте к нему в грузовик инструмент и всё, что считаете нужным. Тару под топливо не забудьте, у меня в гараже буржуйка и печь туристическая бездымная, которую, помнишь, на Ханку брали?

– Да разберемся, а ты чего собрался делать?

– Нужно проехать и заправиться, во-первых. Во-вторых, по вопросам маскировки базы кое-что выяснить, и в-третьих, по продуктам пробить одну тему. Ну, и дай бог нам всё закончить к обеду. В общем, встречаемся у меня в гараже в 13:00, и есть у меня еще один кандидат в отряд, главное, чтобы он уже где-нибудь не партизанил самостоятельно. Ладно, пошел.

Вернулся домой. Света уже собрала продукты родителям – отнес в машину. Вернулся, взял второй комплект ключей от дома, вытряхнул заначку в триста баксов, прихватил бутылку коньяка и блок сигарет.

– Света, после обеда будь готова ехать в лес, возможно надолго, – чмокнул ее в нос и вышел.

Завел, солярки – кот наплакал, причем одноглазый. Покопался в салоне, под видом наведения порядка осматриваясь по сторонам. Достал из трубы отопителя салона один пистолет и два магазина к нему, засунул в десятикилограммовый пакет с макаронами. Сел за руль и поехал к родителям.

Пока ехал, смотрел по сторонам. Солдат НАТО, гуляющих пешком, не видно – только на «Хаммерах» или бронетранспортерах. Проехала машина ППС, редко ходили люди. Около дома

родителей гуляло несколько мамаш с детьми – ну и правильно, нечего детей свежего воздуха лишать. Поднял провизию на этаж.

Дверь открыл отец.

– Заходи, сынок.

– А мама где?

– Пошла с детьми в очереди за молоком стоять, к школе машина подъехала.

– Это кстати, – я запустил руку в мешок с макаронами и извлек из него «Беретту» и магазины.

– Пап, это пистолет.

– Я вижу, что не огурец.

– Это иностранный пистолет, смотри.

Я нажал на кнопку фиксатора, поймал выпавший магазин. Дернул затвор – в патроннике пусто. Переключил несколько раз предохранитель, нажал спуск. Потом вставил магазин обратно, дослал патрон в патронник, поставил на предохранитель.

– Всё, пап, снимаешь с предохранителя, патрон уже дослан – можно стрелять. Понял, пап?

– Понял, только сейчас за очками схожу, и ты мне всё повторишь.

– Папка, вот ты шутник, а что сразу не сказал-то? Ну, неси очки, покажу. Хотя я надеюсь, тебе не придется его использовать, только на крайний случай, то есть угроза вашим жизням, и пожалуйста, будь благоразумен, не надо с пашкой на танки.

Я еще раз показал ему. Потом положил всё в целлофановый пакет и спрятал в поддон неработающего холодильника.

– Ты где его взял-то?

– Да обронил кто-то, я и подобрал.

– Уж не на ЗКП случайно обронил? А то я разговоры вчера слушал двух пэпээсников, когда ходил за бланком этим желтым для машины, что кто-то сначала варварски убил пятерых натовцев, машину им сжег, а когда подъехали остальные, еще четверо подорвалось на какой-то ловушке, один погиб вроде, офицер-связист важный. И что, мол, убивали тех пятерых картечью. Не слышал такого, не?

– Нет, пап, не слышал, я же говорил: мы фазана стреляли.

– Ну, фазана так фазана, – согласился отец и еле заметно улыбнулся.

– Пап, вы тут долго не рассиживайтесь, выбирайтесь на дачу свою, я подумал, что зиму проще пережить там будет: и печь есть, и дрова кругом, подвал, опять же, с заготовками. Да и мне к вам будет проще наведаться. Сашкину жену с дочкой берите и на двух машинах за один рейс уедете, места на даче хватит. Пистолет пусть здесь и остается, я вам на дачу позже подкину что-нибудь другое, и дай мне комплект ключей от вашей квартиры. Будете уезжать, оставьте еды для одного на пару дней.

– Езжай, сынок, и делай то, что должен. Мы с матерью справимся, а у вас с Сашкой, думаю, после ваших «фазанов» времени мало осталось, вам нельзя в городе находиться. Пока неразбериха, конечно, но скоро сообразят, не дураки, похоже.

– Ага, скажи, а на твоей работе, когда вы теплоизоляцию делали, всю эту изоляцию извели?

– Нет, что ты, там ее еще много на зимнем складе лежит, который около слесарного цеха.

– Ясно. Ну, бывай, – обнял отца и вышел.

Доехал до отцовской работы, ворота закрыты, постучал. Открыл сторож.

– А, Алексей, добрый день. Как отец? Он прислал? Случилось что?

– Петрович, много вопросов. Ты скажи, тут в конторе что вообще творится?

– А ничего, уже скоро неделю как все «на лопату» и нет никого, нам только поручили тут дежурить. Обещали едой заплатить, а чего мне эта еда, я «сухой» уже неделю.

– Это поправимо, Петрович, только придется ничего не видеть и ничего не слышать, – сказал я, доставая бутылку коньяка.

– А что надо-то?

– Надо в зимний склад, да в гараж к технике.

– А заезжай, – и Петрович посмотрел на мой Басик оценивающе, вроде как «много не сопрет».

Я заехал и сразу покатил к складу. Сбил фомкой замок. Вот он – фольгоизол. Начал выкидывать легкие рулоны на улицу. Набил полный верхний багажник в два слоя – тридцать рулонов. Мимоходом с пожарного щита прихватил топор, кирку, лом и лопату – в лесу важнее.

Завернул в гараж, с ремонтного бокса сразу взял несколько банок масла, на подъемнике стоял «Паджеро», и я его разул – колеса тоже на крышу, диски-то такие же, как и у меня. Так, два КАМАЗа бортовых, еще две канистры – хорошо, что в баках? Есть! Порылся, нашел шланг. Слил солярку, полный бак Басику и две канистры в довесок. Ну, а раз пошла такая пьянка, надо зайти к электрикам и в столярку. Сбегал к Петровичу, осыпал его комплиментами и, подогнав пару пачек сигарет (ему еще сутки тут куковать), выпросил ключ от электроцеха и столярки. У электриков прихватил несколько пачек электродов – на колышки да и привязать что проводов всяких. В столярке взял пару ножовок, стамески, ведро гвоздей, молоток, ну и по мелочи. И когда возвращался закрывать столярку, заметил – ну просто пруха! – маленький японский бензиновый генератор на два с половиной киловатта, плотники часто работали на выезде, где нет электричества, вот этот генератор и таскали для электроинструмента. Из последнего прихватизировал ножовку, дрель, ручную циркулярку. Это хорошо я зашел! Так, теперь в госпиталь на продуктовые склады, я там у вороватых прапоров иногда покупал что-нибудь. Внаглую загружусь, вряд ли там сейчас их сторожит кто-то из натовцев.

К госпиталю подъехал по объездной через котельную. Дорога, конечно, та еще, но для внедорожника – что асфальт. Зато нет лишних глаз. Подъехал со стороны морга, раньше тут ворота охранял кто-то из выздоравливающей команды солдат или матросов, сейчас же на воротах стоял один прапор.

– Николай Иваныч, здравствуйте, – сказал я, выходя из машины.

– Ага, здоровей видали, даже не намекай, не продам, не отдам ничего.

– А поменять?

– А на что? То, что мне нужно, у тебя нет.

– А чего у меня нет?

– Да ствола лишнего, мою «Сайгу»-то изъяли, военный я при теперешней власти только на бумаге. Я хочу в Чугуевку к брату уехать, а без оружия вообще тоскливо.

– А если я тебе подкину кое-что?

– Например?

– Пистолет. Устроит?

– Какой? Макар, что ли?

– Нет, вражий и плюс обойма.

– Да меня за него к стенке сразу!

– К стенке тебя сейчас за любой ствол поставят, если найдут.

– Надо подумать.

– Иваныч, вот что думать-то? – я полез в салон и достал оттуда «Беретту» и один магазин, пихнул за пояс.

Иваныч помялся, огляделся по сторонам, на лице было заметна битва жабы с желанием выжить и свалить. Да и нашим «товарно-денежным» отношениям уже много лет, не то чтоб лучшие друзья, но не доверять друг другу оснований не было. Он еще подумал и сказал:

– Заезжай и показывай, что у тебя, только быстро, а то дел еще куча своих, часом позже не застал бы уже.

Загнал машину между двумя длинными строениями продскладов. Мы прошли на склад, и я положил на стол Иванычу пистолет и обойму.

– Тридцать патронов всего.

– Это по пятнадцать в магазине, что ли?

– Да.

– Покажи, как тут что.

– Да ничего сложного, – я произвел несколько манипуляций с пистолетом.

– Блин, я из пистолета стрелял-то последний раз лет пятнадцать назад. Ладно, чего тебе?

– Крупы, консервы, масло.

– Вот я тебе сейчас принесу то, что могу, и то, что лично мое – и больше не проси ничего. Мужиков кидать не буду, американцы вчера заходили, сказали, что со дня на день будет ревизия всего на этом складе. Так что я с тобой своими «излишками», «усушкой» и «утруской» поделюсь.

– Хорошо.

Иваныч возился не долго, и потом из глубины склада выкатил тележку. Там были мешок риса в пятьдесят килограмм, мешок гречки в двадцать пять килограмм, две банки консервированного топленого масла по пять килограмм каждая, мешок сахара в десять килограмм, мешок макарон в двадцать килограмм и ящик тушенки.

– Всё, больше не дам ничего, я и так по-корёфански с тобой, – твердо сказал Иваныч.

– Иваныч, ну раз по-корёфански, дай еще соли, а я тебе еще магазин подкину, ты и вправду что-то щедр сегодня, – улыбнулся я уже начинавшему нервничать прапору.

Иваныч удалился, вернулся с тканевым мешком соли в десять килограмм. А я вручил ему еще один магазин.

– Всё, езжай с глаз моих, – замахал в мою сторону Николай Иваныч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.